

УХОДИ КРАСИВО

**ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА**

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Уходи красиво
Серия «Авантюрный детектив»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644015

Полякова Т. В. Уходи красиво: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50659-0

Аннотация

Деньги не гарантируют отсутствие проблем. Скорее наоборот. Следователь посоветовал мне проявлять осторожность. Ход его мыслей был предельно ясен. Погиб мой брат, убийство явно заказное, и цель его – прикарманить чужое добро. Я – единственная наследница, а значит, и единственное препятствие к осуществлению чьих-то замыслов. Препятствие, легко устранимое для людей, которые не брезгуют ничем. Что же делать? Либо уехать, забиться в нору, вздрагивая от каждого шороха, либо... попытаться разобраться в том, что происходит. Я выбрала второе. Итак, я снова в родном городе, откуда сбежала шесть лет назад, сбежала от пагубной страсти и предательства...

Татьяна Полякова

Уходи красиво

Он был точно бельмо на глазу. Мужчина за шестьдесят в светлом плаще, какие носили лет двадцать назад. В это время года посетителей немного, а мужчины в таком возрасте даже в самый разгар сезона редкость. По моему мнению, пенсионеры тяготеют к санаториям и домам отдыха, а не к спортивным базам, но исключения, конечно, встречаются. Однако по виду не скажешь, что дядя увлекался спортом. Невысокого роста, полный, живот торчал так, словно под плащом он прятал арбуз. Я слышала, что подобные приобретения называют пивным брюшком, но в данном случае такое определение не годилось ввиду весьма выдающихся размеров.

В целом дядька выглядел вполне симпатичным, седина, щеточка усов, тоже седых, глаза с прищуром смотрели доброжелательно. Он явился минут двадцать назад, взял бутылку пива и устроился за столом в трех шагах от стойки, откуда и поглядывал на меня. А я на него. В основном оттого, что делать было нечего. Вот я и гадала: откуда к нам занесло дедулю?

Официально сезон начинался первого мая, до этой даты еще почти месяц покоя и абсолютного безделья. Зимовали на базе всего несколько человек, из тех, кому податься некуда. Сторож, который жил здесь уже лет десять, менеджер

Ирка, по совместительству повара и бухгалтер, и я. Вообще-то, я числилась инструктором по дайвингу, но была мастерицей на все руки, выступая то в роли спасателя, то в роли тренера по всевозможным видам спорта. До ближайшего населенного пункта пять километров, да и этот населенный пункт ничем не примечателен. О нашей базе знали три сотни энтузиастов, которые приезжали сюда понырять, половить рыбу или просто побыть в тишине. Хозяин десятка домиков, моторок и необходимого снаряжения, старательно переписанного в толстую тетрадь в ядовито-синей обложке, давно свихнувшийся на дайвинге тип сорока двух лет появлялся здесь редко. Его носило по всему миру, на что хватало и времени, и денег. Почему он до сих пор не прикрыл нашу лавочку, для меня загадка. Я искренне надеялась, что эта здравая мысль еще не скоро придет ему в голову, потому что в ближайшие год-два покидать насиженное место не собиралась.

Здесьняя жизнь мне нравилась. Зимой можно вдоволь валяться на диване с книжкой в руках, бродить по берегу, слушая шум волн, или торчать в Интернете. Отсутствие компании в это время года с лихвой компенсировалось летом. Только заскучаешь по друзьям-приятелям, а тут уже и начало сезона.

В настоящее время в баре мы работали с Иркочкой поочередно, открывали его в шесть вечера, но если проезжающие мимо туристы желали перекусить или выпить кофе, стоило лишь

постучать погромче. Обычно и я, и Ирка обретались где-то по соседству, в задней комнате, прозванной библиотекой, потому что там стоял шкаф с десятком книжек, или в ангаре, где мы со сторожем Василичем возились со снаряжением.

Мужчина в плаще появился ровно в шесть, я открыла дверь бара, давая понять миру, что гостям мы рады, и увидела, как он выходит из такси. Машину он отпустил, что показалось странным. Я привалилась к дверному косяку, наблюдая, как мужчина направляется в мою сторону.

– Здравствуйте, – сказал он, поравнявшись со мной, такси к тому моменту развернулось и поехало к поселку.

– Здравствуйте, – ответила я и пошла к стойке, мужчина двигал следом.

– Пиво у вас есть?

Я кивнула, достала из холодильника бутылку, подала ее посетителю вместе со стаканом. Он взял их и устроился за столом, а я начала теряться в догадках.

Прошло минут десять, дядя посматривал на меня, я на него. Вопрос вертелся на языке, но я предпочла помалкивать. Не мое это дело задавать вопросы. Лично я их терпеть не могла, может, посетитель тоже их не жалует.

На эту базу я набрела случайно, болтаясь в то время по побережью без всякого дела. Сезон кончился, отдыхающие разъехались, надо было решать, оставаться на зиму или искать местечко получше. Жила я экономно, но деньги к концу сезона почти закончились, с работой здесь вообще туго, а

на рынке труда мне предложить было особо нечего. За плечами одиннадцать классов и полтора семестра на филфаке. В целях экономии передвигалась я автостопом, иногда пешком, если расстояние от пункта А до пункта Б казалось мне незначительным. Все мои вещи уместились в рюкзаке, впрочем, в этом смысле за шесть лет мало что изменилось... Вот так в пасмурный октябрьский полдень я зашла в бар выпить кофе и разговорилась с Ирккой, тосковавшей за стойкой. По счастливой случайности хозяин базы в то время обретался в своих владениях, ему нужен был работник, а мне пристанище на зиму, и мы ударили по рукам. В июне я собиралась покинуть гостеприимные стены, но вышло иначе. В то лето народу понаехало неожиданно много, инструкторов не хватало, а мои таланты без внимания не остались. И я задержалась здесь на целых шесть лет.

К дайвингу меня приохотил брат. Парень он спортивный и не реже чем трижды в год отправлялся к морю. Семья наша из нас двоих и состояла, оттого с одиннадцати лет я ездила с ним и к шестнадцати годам вполне могла считаться профессионалом дайвинга. Так как это единственное, что я умела по-настоящему, пришлось сделать из увлечения профессию. О чем я совсем не жалела. Зимнее безделье навело на мысль продолжить учебу, и я поступила в пединститут, заочное отделение которого и закончила прошлым летом. Полученное образование на моей жизни никак не сказалось, но думать о том, что у меня теперь есть диплом, было приятно.

Я взглянула на часы, висевшие над стойкой, и отметила, что старикан сидит в баре уже двадцать минут. Он допил бутылку и перебрался ко мне.

– Выпьете еще? – спросила я, забирая у него стакан.

– Нет, спасибо. Как вас зовут?

Вопрос мне не понравился, хотя не было в нем ничего необычного. Почему бы, в самом деле, старичку не поинтересоваться моим именем, учитывая, что мы здесь вдвоем и он вроде бы не прочь завести беседу. То ли его внезапное появление насторожило, то ли было что-то такое в его взгляде... в общем, я соврала без зазрения совести:

– Ира.

– Очень приятно. А я Константин Иванович.

– Вы у нас впервые, – сказала я.

– Немного у вас посетителей, – кивнул он.

– Не сезон, – согласилась я. – Летом народу хватает.

– Давно здесь работаете?

– Подрабатываю иногда. Я студентка. – Еще одно вранье, причина которого мне и самой не очень-то понятна.

– На базе сейчас кто-нибудь живет? – спросил он и, заметив недовольное выражение на моей физиономии, поспешно пояснил: – Собственно, я хотел узнать, можно ли остаться на ночь?

– Нет, – смиренно ответила я. – Домики не отапливаются. Да и закрыты на зиму. Тут постоянно только сторож живет.

– Да? – он вроде бы усомнился в моем ответе, а я насто-

рожилась еще больше.

Старикан сложил руки на стойке, красноватые, с загубевшей кожей, и с отеческой улыбкой смотрел на меня. Точно знал, что я вру, но не собирался выводить меня на чистую воду.

– Вы не местный? – с ответной улыбкой заявила я. – И на туриста не очень-то похожи. Можно узнать, что вам здесь понадобилось? Я не из любопытства спрашиваю. Место людным не назовешь...

– Я абсолютно безопасен, – усмехнулся дядька. – А сюда меня привело одно дело. Я ищу девушку.

– Вот как? – не дождавшись продолжения, произнесла я.

Он кивнул.

– Вы ее, должно быть, знаете. Кристина Протасова.

Я пожала плечами:

– Первый раз слышу.

Он вновь улыбнулся и покачал головой, точно призывая меня к порядку.

– Возможно, она назвалась другим именем.

– Возможно, – не стала я спорить. – Хотя это довольно странно. Зачем человеку скрывать свое имя?

– Разные бывают обстоятельства. Предположим, она не хочет, чтобы близкие знали, где она находится.

– Мои родители в курсе, где я нахожусь.

– Не сомневаюсь. Здесь ведь еще одна девушка работает? Так мне сказали в поселке. И зовут ее Кристина. Разве нет?

– Может, и зовут. Но она уехала на пару дней. И я не уверена, что она захочет с вами встречаться, пока не узнает, кто вы такой и что вам от нее надо.

– Ровным счетом ничего, – развел дядя руками. – Только убедиться, что у нее все в порядке.

– У нее все в порядке, – сказала я. – Так что вы вполне можете двигать отсюда.

Старикан с минуту пялился на меня, потом не спеша достал бумажник, положил банкноту на стойку и сказал:

– Сдачи не надо. – После чего направился к двери.

Через минуту, выглянув в окно, я могла наблюдать, как он прохаживается вдоль дороги, прижимая к уху мобильный. Может, такси вызывал, а может, делился с кем-то впечатлениями от нашей беседы.

Матерно выругавшись, я вернулась к стойке. Шесть лет я считала это место надежным убежищем, и вдруг сюрприз. Впрочем, шесть лет большой срок, так что на судьбу роптать не приходится. Тем более что кое-кто о моем местонахождении точно знал, правда, не досаждал визитами. Жаль, если насиженное место придется покинуть. Я вздохнула и, включив телевизор, стала смотреть новости.

Через полчаса я вновь выглянула в окно, старичка возле дороги не было. Однако его отсутствие вожделенного покоя не вернуло. Зрело предчувствие, что одним визитом дело не кончится.

Заперев дверь бара, я воспользовалась служебным выхо-

дом и по тропинке припустилась к ближайшему домику. От прочих он отличался тем, что в нем была печка, в этом домике мы и жили. Две комнаты занимали мы с Ирккой, в третьей обретался сторож, в настоящий момент он ударился в очередной запой. Как правило, запои длились дней пять, а то и неделю, и охранять хозяйское добро приходилось нам с Ирккой. В трезвые периоды своей жизни Василич был мужиком покладистым и безотказным, оттого мы безропотно терпели его пьяные выкрутасы. Впрочем, и в подпитии он особых хлопот не доставлял.

Для начала я заглянула в его комнату и убедилась, что Василич дрыхнет без задних ног, причем прямо на полу. Пустая бутылка валялась по соседству. Добраться до кровати у страдальца сил не хватило, и он рухнул, не дойдя до нее трех шагов. Еще одним положительным качеством Василича было отвращение к курению, так что пожара мы с Ирккой могли не опасаться.

– Киса, – услышала я голос подруги из-за соседней двери и поспешила туда. Как из имени Кристина она умудрилась сотворить Кису, для меня до сих пор загадка, но последние шесть лет меня звали именно так все, кому не лень. Я успела к этому привыкнуть, и настоящее имя временами казалось мне чужим и не имеющим ко мне никакого отношения.

Ирка лежала на диване, листая журнал полугодичной давности. Ей было тридцать, за шесть последних лет она дважды выходила замуж, каждый раз свято веря, что ее любовь будет

длиться вечно. Но вечность оказывалась чересчур короткой. Первый брак длился месяца три, второй – и того меньше. Отправляясь в загс, она твердила, что ноги ее здесь больше не будет, а потом возникала на пороге бара с грустной улыбкой и надеждой, что настоящая любовь еще впереди. То ли парней она выбирала неподходящих, то ли вовсе была не приспособлена к семейной жизни. Сюда ее, как и меня, привел случай. В юности Ирка занималась спортивной гимнастикой, подавала большие надежды. Потом была травма, колено, собранное по кусочкам, хромота и большая обида на судьбу. По ее словам, видеть ей в те времена никого не хотелось, она было запила с горя, но и это вскоре наскучило. Хозяин нашей базы приходился ей дальним родственником и пригласил ее сюда отдохнуть. Она приехала с неохотой, «лишь бы отвязался», как пояснила Ирка, но здешняя публика пришлась ей по душе. Родственник отправил ее на курсы бухгалтеров, и теперь Ирка вела всю бухгалтерию, заведовала кухней, была кастеляншей и заменяла хозяина на время его отсутствия. Представить базу без Ирки невозможно, и ее замужества вызывали у хозяина нервный тик. В первый раз он горевал и даже взял на работу женщину из поселка, но во второй уже не торопился, буркнув с намеком на уверенность: «Может, вернется». И оказался прав. За шесть лет Ирка раздобрела, любой спорт считала глупым времяпрепровождением, а ныряльщиков – психами, что не мешало ей крутить с этими самыми психами любовь все лето. Склонность к мно-

гочисленным связям она объясняла тем, что находится в постоянном поиске «единственного», и свято верила, что количество непременно переходит в качество. Мое нежелание заводить романы вызывало у нее подозрение в моей нормальности, и зимними вечерами мы вели долгие споры о сущности любви, что, безусловно, скрашивало нашу жизнь.

– Ты чего бродишь? – спросила Ирка, отбрасывая журнал. Круглую мордашу с зеленовато-желтыми глазами красивой не назовешь, но привлекательной – вне всякого сомнения. Прибавьте к этому копну рыжих волос, а также готовность смеяться по любому поводу, и большой интерес к ней мужчин всех возрастов становился вполне понятен.

– Подмени меня в баре, – сказала я, устраиваясь в единственном кресле.

– В поселок хочешь смотаться? – спросила она, поднимаясь.

– Нет.

– Нет? А чего тогда?

– Посетитель у нас. Станный тип. На всякий случай лучше вместе держаться. Ты за стойкой побудешь, а я в подсобке посижу.

– Что за тип? – насторожилась Ирка.

– Старикан какой-то. Приехал на такси. Вопросы задавал. Кто здесь живет и все такое.

– Может, просто любопытный?

– Может.

– Ладно, идем.

Сунув ноги в тапки, Ирка направилась к двери как была в шортах и майке, прихватив вязаную кофту. Кофта была ее гордостью, она угробила на нее четыре месяца. Бойко стучала спицами, бормоча под нос «раз, два, три»: видно, петли считала. Рукоделие давалось ей с трудом, тем радостней была победа.

По тропинке мы вернулись в бар. Ирка распахнула входную дверь и устроилась за стойкой, я примостилась на стуле в подсобке, друг от друга нас отделяла штора из стекларуса, я могла наблюдать за баром, не привлекая к себе внимания, и вдоволь трепаться с Иркой, у которой мое поведение вызывало очень много вопросов.

– Чего там старичок-то? Ну, поинтересовался, кто здесь зимует, что с того? Чем он тебе так не приглянулся?

– Всем, – лаконично ответила я.

– Он точно не из поселка?

– Точно.

– Только идиоту придет в голову нас грабить.

– Так я у него справку не спрашивала, вполне возможно, что он идиот.

– По мне, так ты дурака валяешь, сказала бы просто, что работать лень.

– Тогда какого хрена я здесь сижу?

– Вот именно. Какого хрена ты торчишь за занавеской?

– Я в засаде. Враги решат, что ты легкая добыча, а тут я.

– Тьфу, нечистая сила, еще накаркаешь. И что мне за радость от твоей засады?

– Ментам успею позвонить.

Ирка впала в задумчивость, с неудовольствием косясь в сторону двери, а я почувствовала угрызения совести: ни к чему ее запугивать.

Тут послышался треск мотоциклов, и через пару минут в бар ввалилась компания мужчин. Это были ребята, которые летом работали у нас на базе. Все как на подбор рослые, плечистые и загорелые. В поселке имелось два кафе и бар, но парней тянуло сюда точно магнитом, вечера они предпочитали проводить здесь. То ли место и впрямь притягивало, то ли ежевечернее путешествие вносило приятное разнообразие в их жизнь, которая до наступления сезона событиями не баловала.

– Привет, Солнце, – забасил бородатый здоровяк, первым появившийся в баре. Ирку по имени, как и меня, мало кто называл, предпочитая прозвища, рыжим цветом волос Ирка была обязана своему. Сам здоровяк куда охотней отзывался на кличку Борода, чем на собственное имя Витя.

– Привет, привет, – ответила Ирка с заметным облегчением, в компании парней почувствовав себя в безопасности. Если кому и придет охота нас сегодня грабить, он об этом горько пожалеет. Народ здесь тусовался из тех, кого пугать вредно и даже опасно, сами кого хочешь напугают.

Парни прошли к стойке и не торопясь расселись на высо-

ких стульях. Ирка выставила шесть бутылок пива по количеству собравшихся и, решив, что миссию свою выполнила, вновь плюхнулась на табурет.

– А Киса где? – спросил двухметровый блондин по имени Коля, прибыл он уже навеселе, а выглядел совершенно несчастным. Третий сезон он набивался мне в женихи и неудачи топил в пиве. Правда, водкой тоже не брезговал.

– В подсобке сидит.

Раздвинув нитки стекляруса, я помахала прибывшим рукой в знак приветствия.

– Киса, выйди к людям! – завопил Борода. – Чего ты Кольку мучаешь?

– Не могу отойти от телефона, – ответила я. – Жду звонка, который изменит мою судьбу.

Коля, по прозвищу Терминатор, вытянул шею, поглядывая на меня с сомнением, и на всякий случай нахмурился.

– А кто звонить должен?

– Адвокат моей семьи. С минуты на минуту ожидаю наследства.

В тот момент я и представить не могла, как недалеки мои слова от истины.

– Наследство – это хорошо, – загоготал Борода, остальные его поддержали, а Коля слегка расслабился. Я не производила впечатления девицы, на голову которой в скором времени свалятся миллионы.

– Ну, чего ты там сидишь? – вновь подал голос Коля.

– Отстань! – рывкнула я, и он затих, по опыту зная, что если я перешла на крик, то лучше в самом деле оставить меня в покое.

За спинами парней входной двери не увидишь, и появление старичка я пропустила. Заметила его, только когда он материализовался у стойки. Новый посетитель вызвал интерес. Парни замолчали и принялись его разглядывать. Ирка, метнув взгляд в мою сторону, нахмурилась и с вызовом посмотрела на дядю в светлом плаще.

– Пива, пожалуйста, – очень вежливо попросил он.

Ирка с большой неохотой подала ему бутылку, он тут же отошел и сел за ближайший стол. Парни молча рассматривали диковинного посетителя, тот делал вид, что этого не замечает. Борода перевел взгляд на Ирку с неммым вопросом, та досадливо пожала плечами. Дядя сидел и пил свое пиво, парни понемногу разговорились, перестав обращать на него внимание. Я из подсобки не показывалась, ожидая, что будет дальше. Особой оригинальностью предполагаемый сценарий не блистал, я была уверена: дядя начнет задавать вопросы – и криво усмехалась чужой наивности. Ему быстро дадут понять, что отвечать на них тут никто не собирается. И укажут на дверь. Если не дурак, поспешит отсюда убраться и вряд ли появится вновь.

Может, старичок и сам понял, чем закончится его попытка, потому что голоса не подавал. Пиво пил по глоточку, тянул время. Рассчитывал, что парни скоро уедут? Зря. В один-

надцать мы закрываемся, а раньше их отсюда не выпихнешь. Тут грохнула дверь, и в баре появились двое молодых мужчин. Я как раз отлепила зад от стула, чтобы достать чипсы, повернулась, услышав шум, и смогла наблюдать их эффектное появление. Чужаки. Обоим около тридцати, один блондин с ямкой на подбородке, второй брился наголо. Короткие кожаные куртки, джинсы, высокие ботинки. Физиономии малопрятные из-за застывшего на них выражения легкой брезгливости. Ясное дело: наше заведение ничего, кроме презрения, вызвать у них не могло. «Кого это черт принес?» – подумала я, вслед за этим пришла мысль, что вести себя парням следовало бы повежливее. Чужаки с такими минами запросто могли оказаться на улице без вожделенного пива, зато с синяками. Их эта мысль вряд ли посетила. Не обращая внимания на сидевших у стойки мужчин, парочка приблизилась. Один замер в трех шагах, сунув руки в карманы куртки, второй, довольно невежливо оттерев Вовку-Летчика (прозвище он заработал, потому что летал на мотоцикле точно угорелый), так вот, оттерев его плечом, парень придвинулся к Ирке, смерил ее взглядом и сказал:

– Я ищу девушку. Мне сказали, она здесь работает.

– Здравствуйте, – кивнула Ирка, улыбаясь.

– Привет, – неохотно ответил парень, сообразив, что вежливость иногда не лишняя. Я устроилась на стуле, продолжая наблюдать за незваными гостями. Мужики смотрели на них с неудовольствием, но тем, похоже, было на это наплевать.

Бритый достал из кармана куртки фотографию и выложил на стойку, щелкнул по ней ногтем, пододвигая ближе к Ирке:

– Ее зовут Кристина, фамилия Протасова.

Ирка без особой охоты взглянула на фото и покачала головой:

– Малолеток на работу не берем.

– Сейчас она на шесть лет старше.

– Никакой Протасовой тут нет.

– Возможно, она сменила фамилию, – не унимался Бритый. – И я точно знаю, что она здесь работала.

– Может быть, летом, – с сомнением произнесла подруга. – В сезон тут народу до черта. Но я такую не помню.

– А ты напрягись. – В голосе Бритого послышалась угроза.

Наши друзья переглянулись и уставились на Ирку, ожидая ее решения.

– Сейчас очки надену, рассмотрю как следует, – ворчливо заявила она, сгребла фотографию и направилась в подсобку. Я слегка отодвинулась, чтобы парни меня не заметили, Ирка вошла и молча сунула фотографию мне под нос. Фотография с моего паспорта. Светлые волосы заплетены в косу, вид счастливо-придурковатый. Последующие годы сказались на моей внешности, но не до такой степени, чтобы меня стало трудно узнать. Хотя блондинка на фото, когда у меня возникало желание заглянуть в свой паспорт, вызывала скорее недоумение. Не только потому, что светлые волосы остались в прошлом. По непонятной для меня причине мужчины счи-

тали блондинок существами несерьезными и даже глупыми, и в первый сезон моего здесь пребывания это обстоятельство здорово действовало на нервы, вот я и внесла радикальное изменение в свою внешность, став жгучей брюнеткой. Потом мне было уже все равно, кто и как меня воспринимает, но темный цвет волос неожиданно пришелся по душе, и раз в месяц я отправлялась в парикмахерскую в поселке.

Даже если мой облик стал совсем другим, проблему это не снимало, если уж Бритый назвал мою фамилию. Подруга взглянула выразительно, а я покачала головой, тем самым давая понять, что свое инкогнито раскрывать не собираюсь. Ирка скроила свирепую мину и вернулась к стойке, отдала фотку Бритому, сказав с намеком на печаль:

– Не помню я такой. Шесть лет – большой срок, может, она сама на себя не похожа.

– Может, – хмыкнул Бритый. – Если выяснится, что ты нам голову морочишь...

– А ты кто такой, чтобы мне грозить? – посуровела подруга.

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Дверь за вашей спиной, – сказала она и широко улыбнулась.

Стараясь не шуметь, я выскользнула на улицу через служебный выход, обогнула здание и, прижимаясь к стене, осторожно выглянула из-за угла. Незванные гости как раз вышли на крыльцо, громко хлопнув дверью. На обочине стояла вет-

хая «девятка» с номерами соседнего региона. Ничто меня с теми местами не связывало, и оставалось лишь гадать, чего этим типам от меня надо.

Они загрузились в машину, но с места не трогались. Это мне не понравилось. Подумав немного, я направилась в сторону пристани, прошла вдоль моря метров пятьсот и по едва заметной тропе вновь поднялась к дороге, но выходить на нее не стала, предпочитая двигаться параллельно. За кустарниками парни меня не увидят, если им придет охота отправиться в эту сторону.

Путь мой лежал к развилке, в полукилометре от базы. Жители поселка, облюбовавшие наш бар, редко обходились бутылкой пива, что очень тревожило местное начальство, оттого каждый вечер на развилке дежурила машина ДПС с двумя сотрудниками. Толку от этого не было никакого, во-первых, инспектора наших завсегдаев хорошо знали и не раз приятно отдыхали в их компании, во-вторых, до поселка на мотоцикле легко добраться по многочисленным тропам, минуя шоссе и развилку, но приказы начальства не обсуждают, чему сейчас я от души порадовалась. Вдруг явилась мысль, что по закону подлости именно сегодня парни наплюют на приказ и отправятся пытаться счастье в другом месте, но через десять минут я с облегчением вздохнула, увидев машину с надписью на борту «ДПС». Привалившись к капоту, один из мужчин в форме курил, второй грыз семечки с унылым видом. Я вышла на дорогу и помахала им рукой.

– Привет, Киса, – сказал один, второй улыбнулся. – Ты в поселок?

– Нет, я к вам.

Поравнявшись с мужчинами, на лицах которых появилось недоумение вкупе с любопытством, я пояснила:

– В бар парочка чужаков завернула, вели себя невежливо. Странные типы. Если вдруг здесь объявятся, взгляните на документы. Не удивлюсь, если они тачку угнали.

– Ну, так давай проверим, – предложил младший из мужчин, звали его Серегой. – Садись в машину.

Через минуту мы уже ехали в направлении базы. «Девятки» возле бара не оказалось.

– Догоним, – сказал Серега, парень он был рискованный, тихо ездить просто не умел. Не будь он дэпээсником, водительского удостоверения давно бы лишился.

С ветерком мы проехали километров десять. Если «девятка» двигалась в том же направлении, мы просто обязаны были ее догнать. Предположение, что скорость у нее была больше, чем у нашей машины, критики не выдерживало.

– Куда ж они делись-то? – пробурчал Серега. – Может, в сторону Озерного поехали? По проселочной дороге, ее с шоссе не видно...

Серега лихо развернулся, и мы заспешили обратно.

– Если они к Озерному подались, мы их вряд ли догоним, – заметил его товарищ, которому гонка по шоссе удовольствия не доставила. – Там этих дорог тьма-тьмушая.

Замечание совершенно справедливое. Пока мы двигаем по одной дороге, Бритый с дружкой благополучно проследуют по другой. Однако в этом случае выходит, что с местностью они знакомы неплохо: даже если в их машине есть навигатор, кому придет в голову наносить на карту партизанские тропы, которых здесь в избытке?

– Ладно, высадите меня возле базы, – внесла я разумное предложение и на всякий случай продиктовала номер «девятки».

...Стоило мне войти в бар, как все присутствующие дружно повернули голову в мою сторону. Взгляд мой переместился к ближайшему столу, который теперь пустовал.

– Где старикан? – спросила я. Народ у стойки заволновался, а Ирка ответила:

– Черт его знает. Я и не заметила, как он ушел. Ты где была?

– Прогулялась до развилки. Там Серега с напарником падутся, попросила уделить внимание нашим гостям.

– Разумно, – кивнула подруга.

– Киса, эти типы тебя искали, – с некоторой неуверенностью в голосе сказал Борода. – Чего им надо?

– Ты бы у них и спросил.

Я устроилась на свободном стуле и немного подрыгала ногами.

– Так ты это... – начал Колька и запнулся под моим взгля-

дом.

– Я их знать не знаю, а знакомиться – нет ни малейшего желания. Еще вопросы есть?

Вопросов не было. Однако несмотря на то, что данную тему мы благополучно оставили, некая напряженность все равно присутствовала, витала в воздухе, так сказать. Мое беспокойство, возникшее в момент появления старика, крепло с каждым часом. Я сидела за стойкой, не принимая участия в общей беседе. Присутствующие с уважением отнеслись к моей задумчивости и без особой нужды меня не тревожили.

В одиннадцать парни собрались по домам, Колька задержался у двери и сказал, не глядя на меня:

– Может, мне... это... у вас остаться?

Я данное предложение проигнорировала, и он поплелся вслед за остальными. Мы поставили бар на охрану и вышли через служебную дверь. Ирка на всякий случай ее подергала, что говорило о некоем беспокойстве.

Я направилась к нашему жилищу, подруга, ускорив шаг, со мной поравнялась, но рот держала на замке. Однако, когда мы вошли в дом, она, проигнорировав дверь своей комнаты, толкнула плечом мою, после чего устроилась на диване с видом человека, который никуда не спешит, и сказала:

– Давай колись.

– Понятия не имею, кому и зачем понадобилась, – миролюбиво ответила я и сдвинула брови, симулируя раздумье.

– Завязывай дурака валять. Ты ж меня не первый год зна-

ешь, язык за зубами держать умею.

– Ага. Но это ничего не меняет, потому что я действительно не знаю.

– Киса... – Ирка хлопнула ладонью по колену, глаза метали молнии. Как все женщины, она была любопытна. Я, кстати, тоже. Села рядом с ней и поскребла за ухом.

– Хоть убей, ума не приложу, что это за люди.

– Сидишь на базе безвылазно, – рассудительно начала Ирка. – В город ездила только на сессию... Здесь ты в историю вляпаться не могла, выходит, в городе?

– Не выходит. Нет никакой истории.

– Кому ты лепишь? Еще шесть лет назад, когда ты тут появилась, я подумала: девка не проста. То ли прячется от кого, то ли...

– Я не прячусь. Торчу на базе, потому что податься некуда. Родни нет, только брат, но с ним мы не общаемся, я же тебе рассказывала.

– Так, может, он тебя ищет?

– С головой у него проблем вроде нет. С какой стати ему посылать сюда этих придурков? Ладно, так или иначе мы узнаем, кому я понадобилась. Давай спать, а?

Ирка неохотно поднялась и отбыла в свою комнату. А я переместилась к столу и открыла ноутбук. Шесть новых писем. Пять – рекламные рассылки, шестое я открыла с большим нетерпением. Таинственный адресат был, как всегда, лаконичен: «Жди гостей» – и подпись: «Капитан Америка».

– Опоздал ты, парень, – пробурчала я. Впрочем, это я зря. Не опоздал. Письмо пришло три дня назад, да вот проверить почту я поленилась.

Первое письмо от него я получила, когда еще только начала свое странствие по побережью. Оно было без подписи и содержало всего несколько слов: «Тебя не так трудно найти». Признаться, в тот момент послание здорово напугало. Немного побегав по гостиничному номеру, я быстро напечатала: «Ты кто?» И получила ответ: «Скорее друг, чем враг». – «Имя у тебя есть?» – вновь набрала я. Письмо пришло лишь через несколько часов. «Капитан Америка», – прочитала я, далее следовали с десяток смайликов с лунообразной улыбкой.

В тот же вечер я покинула гостиницу и на следующий день была уже на расстоянии ста пятидесяти километров от прежнего места пребывания. А еще через три дня пришло письмо с той же подписью. «В субботу обещают дождь. Хороший повод сходить на концерт. Тебе нравится «БИ-2»?» Я сидела за столом возле окна и, подняв голову, увидела напротив афишную тумбу. Белые буквы на черном фоне: «БИ-2». Семнадцатое число. Суббота. По спине пробежал холодок, а чувство было такое, что чей-то взгляд уперся в затылок.

Само собой, я предприняла еще одну попытку избежать чужого внимания – и с тем же результатом. Когда я обосновалась на базе, он написал: «Хорошее место. Может, как-нибудь заверну к тебе порыбачить». Мои попытки узнать

что-нибудь о человеке, называвшем себя Капитан Америка, никаких результатов не дали, хотя я очень старалась. Он, в свою очередь, старался сохранить инкогнито. За шесть лет писем пришло не так много, иногда он писал раз в три месяца, бывало, пропадал на полгода. Особого смысла я в письмах не видела, если не считать того, что Капитан Америка настойчиво давал понять, что мое местонахождение и моя жизнь (событиями, кстати, не богатая) для него вовсе не тайна. Иногда он спрашивал: «Домой не тянет?» или «Поздравляю с окончанием сессии». Письма всегда были короткими и не содержали более трех предложений. Отчаявшись выяснить, кто их автор, я перестала на них отвечать, втайне рассчитывая, что его это обидит или разозлит и он станет более словоохотливым. Но мое молчание его вовсе не волновало.

И вот теперь он предупредил о незваных гостях. Интересно, кому я понадобилась? Вырисовывалась лишь одна кандидатура – мой брат. Встретаться с ним я не планировала, даже если малоприятные субъекты зачастят на базу. Кстати, одно время я решила, что письма пишет он. Но кое-что смущало: Витька терпеть не мог комиксы и назваться Капитаном Америка ему вряд ли бы пришло в голову.

Некоторое время я пялилась на экран, а потом быстро напечатала: «Уже были». Ответ пришел через двадцать минут. «Будь осторожна». – «Чего мне бояться?» – напечатала я. На сей раз ответил он куда быстрее. «Не чего, а кого». – «О'кей, кого?» – напечатала я. «Возвращайся», – написал он.

– Послушай совета и сделай наоборот, – буркнула я и выключила компьютер. Прошлась по комнате, пиная мебель в большой досаде, а потом отправилась умываться.

Через полчаса я лежала в постели, пытаюсь поскорее уснуть. С этим тоже вышла незадача. Ворочаясь, я гнала прочь все мысли и даже сунула голову под подушку. Ничего не помогало. Промучившись еще некоторое время, я потянулась к настольной лампе с намерением включить свет, чтобы почитать часик-другой, все лучше, чем страдать бессонницей, но тут услышала осторожные шаги под окном и замерла. Кто-то тихо постучал по стеклу. Я поднялась и, приблизившись на цыпочках, встала сбоку от окна, чуть сдвинув занавеску. Фонарь был с другой стороны дома, а с этой царила темнота, в общем, разглядеть ничего не удалось. Я напряженно ждала, повторится ли стук. Тишина. Очень может быть, с той стороны окна кто-то, замерев, как и я, тоже чего-то ждал.

Шорох и вновь едва слышные шаги. Дверь в дом запиралась на английский замок, кроме него, был еще засов внушительного вида. Проще разбить дверь, чем сдвинуть засов с места. Чувствовала я себя в относительной безопасности, но присутствие чужака за окном все равно нервировало. Ворота и калитка на замке, однако забор вокруг базы серьезным препятствием не являлся, к тому же попасть на территорию без труда можно со стороны пирса. Я еще раз осторожно выглянула из-за занавески: в нескольких метрах от дома темнел

забор. Звездное небо, серпик луны... Я вернулась в постель, не придумав ничего лучшего, и тут в стену, отделявшую мою комнату от комнаты подружки, стукнула кулаком Ирка.

– Киса, – позвала она. – Ты слышишь? Вроде кто-то по базе шастает.

– Похоже на то, – ответила я.

Через пару минут Ирка появилась в комнате, одетая в спортивный костюм.

– Василич спит как убитый. Вот зараза.

– Какой от него толк, даже если б не спал? – пожалала я плечами.

– Не скажи, все ж таки мужик в доме.

Я натянула джинсы и свитер, сунула ноги в кроссовки, а Ирка достала карабин из-под моей кровати. Вещь в нашем богом забытом краю не лишняя. Василичу оружие не полагалось, карабин нам оставил хозяин, что называется, на всякий случай. Я стреляла почти так же хорошо, как и ныряла, но Ирка управлялась с оружием куда ловчее, чем я. В осеннюю пору мы довольно часто ходили на охоту, так что польза от оружия была безусловная, но ни разу за шесть лет тот самый «всякий случай» не выпадал, и сейчас решительность Ирки скорее напугала.

– Спятила? – нахмурилась я.

– Чего-то мне не по себе, – ответила подружка.

– Идем в твою комнату, – предложила я.

Свет, конечно, не включали, но в Иркином жильё его хва-

тало: окна выходили на противоположную сторону, фонарь всего в пяти метрах от дома.

Ирка не выпускала из рук оружие, что здорово нервировало. Еще начнет палить от страха. Пригнувшись, мы таращились в окно, соблюдая осторожность. Дома напротив выстроились цепочкой, от первого отделились две тени и прошмыгнули к следующему дому.

– Они дома проверяют, – шепнула Ирка, кто такие эти самые «они», догадаться не трудно. – Нас ищут. Вот только начали обход не с того края. – Я кивнула, хотя в ее словах вовсе не была уверена, потому что стук в окно мне вряд ли пригрезился. – Что будем делать? – спросила Ирка. В голосе напряжение, но не страх.

– Сбегаю в бар и позвоню в милицию.

– Идем вместе, – предложила она.

– Василича оставлять одного не хочется. Мало ли что.

– А мне не хочется отпускать тебя одну.

– Главное, успеть дверь открыть, сигнализация сработает...

– Черт... ладно, давай, я тебя прикрою.

В серьезности ее намерений я не сомневалась и вознесла молитву господу, чтобы прикрывать меня Ирке не пришлось. Взяв ключи от бара, я направилась к выходу, Ирка шла рядом. Впервые за эти годы я пожалела, что ни у нее, ни у меня нет мобильного, это существенно упростило бы жизнь в настоящий момент. Но до сего дня мобильный был

без надобности: нам звонить некому, а ежели у кого-то возникало желание услышать наши голоса, набирали номер телефона в баре.

Я выскользнула на улицу, подруга осталась возле приоткрытой двери. Через несколько секунд я уже была возле бара, заранее приготовив ключ от служебного входа. Вошла в подсобку, сигнализацию отключать не стала. Охранники на стареньком «жигуленке» обычно дежурили возле поселка, здесь они будут максимум через пять минут.

Зазвонил телефон, и я схватила трубку.

– Чего у вас там? – недовольно поинтересовались на другом конце провода. – Сигнализация сработала...

– По территории бродят какие-то типы, – ответила я.

– Мужики сейчас подъедут, но ваша территория – это не наша забота, как ты понимаешь, так что звони ментам.

– Ага.

Я тут же набрала заветный номер, на счастье, дежурил в ту ночь мой знакомый.

– Киса, ты, что ли?

Я торопливо объяснила, что за нужда заставила меня звонить среди ночи.

– Черт, – сказал мой приятель. – Как назло, ни одной машины. Ладно, сейчас найду кого-нибудь. Из дома не выходите, и вообще поосторожнее...

Не успела я закончить разговор, как в окна ударил свет фар. Я поспешила на улицу, чтобы встретить охрану. Трое

мужчин в бронезиловых и с оружием в руках выбрались из машины. Мой рассказ их не особо впечатлил, но понимание вызвал. Две бабы в таком глухом месте... К тому же глюки нас с Ирккой никогда не донимали и ранее охрану мы по пустякам не беспокоили.

– Ментов вызвала? – спросил старший, выслушав меня. Я кивнула. – Ладно, подождем, пока приедут.

Парни топтались возле «Жигулей». Их дело бар охранять, чтоб ненароком не влезли любители легкой наживы. Территория базы – забота сторожа. Приехавшие здраво рассудили, что болтаться в темноте, выискивая визитеров, в их обязанности не входит, тем более что в наличии этих самых визитеров здорово сомневались. А мне и в голову не пришло просить их об этом. Достаточно того, что они согласились ментов дожидаться.

Появилась Ирка, слава богу, без карабина. В этот момент мы слышали шум двигателя, со стороны моря между деревьев пробивался луч света от включенных фар, а через полминуты на дорогу метрах в пятистах левее от нас выскочила машина и рванула к городу на большой скорости. На таком расстоянии разглядеть в темноте, что это за машина, было невозможно, но факт ее нахождения вблизи базы произвел впечатление как на нас с Ирккой, так и на охрану.

– Похоже, у вас действительно были гости, – заметил старший, хмуро глядя в ту сторону, где скрылась машина. Подозреваю, его так и подмывало пуститься в погоню, но риско-

вать мужчина не стал. Его задача – дежурить в установленном месте и быстро реагировать на вызов, а не преследовать подозрительные машины.

Через полчаса приехали менты. Ясное дело, к тому моменту искать ночных бродяг на базе было бессмысленно, появившиеся ранее охранники их спугнули, и они поспешили убраться восвояси, но для нашего спокойствия мужчины (приехали они вдвоем) решили все-таки прогуляться по территории. Охранники тут же отбыли, а мы вчетвером пошли в дом искать фонарь.

– Василич ваш опять в запое? – ворчливо спросил мент. – Сторож хренов. Вынесут все снаряжение вместе с ним.

– Много толку от него трезвого, – фыркнула Ирка. – Что он один сделает, начнет в свисток свистеть?

– И то верно, – согласился страж порядка.

Фонарь лежал на тумбочке в прихожей, Ирка сунула его в руки молоденькому сержанту, и мы, двигая гуськом, первым делом осмотрели ангар. Замки на месте, решетки на окнах целы.

– Местные вряд ли полезут, – продолжал разглагольствовать мент. – Должно быть, из города...

– Вы по дороге машину не встретили? – влезла я.

– Две тачки навстречу попались, иномарка вроде «Мицубиси» и «девятка».

– На номера внимания не обратили?

– Нет, конечно. Торопились к вам, Гера сказал, что вы тут зубами от страха лязгаете... А что, девчонки, может, мне к вам в сторожа податься? Девки вы молодые, от Василича толку нет...

Продолжая болтать (болтал в основном мент), мы дошли до пристани, потом отправились вдоль забора назад к бару, здесь царила темнота, пришлось включить фонарь.

Я ждала, когда закончится обход, чтобы наконец лечь спать. Ночка выдалась хлопотная, но теперь я была спокойна: все позади. По крайней мере, до следующей ночи ничего скверного не предвидится. Как оказалось, предположение весьма далекое от истины.

– Ах ты, господи, – вдруг пробормотал мент и замер как вкопанный: его товарищ, следовавший за ним на расстоянии шага, ткнулся ему в спину.

– Чего? – испугалась Ирка, ее вопрос так и остался без ответа.

Поравнявшись с ментом, мы сами все увидели: свет фонаря вырвал из темноты светлый плащ, сердце у меня ухнуло вниз да там и осталось. Старикан, который в этот вечер появился в баре, ничком лежал на земле. Седые волосы слиплись от крови.

– Надо «Скорую» вызвать, – закудаhtала Ирка.

Мужчины опустили на корточки, один держал фонарь, второй пытался нащупать пульс на шее старика.

– Не надо «Скорую», – вынес он вердикт. – Кокнули дядю.

Ну надо же...

– Чего ж теперь делать-то? – трясаясь всем телом, спросила Ирка.

– Следаков вызывать...

Некоторая растерянность в голосе мужчины была понятна: местное население отличалось доброжелательностью и уважением к чужой жизни. Чего нельзя было сказать о своей. Аварии на дорогах происходили так часто, что число погибших давно превысило наши потери в Русско-японской войне. Само собой, случались драки по пьяному делу, но до членовредительства доходило редко, убийство здесь в диковинку, оттого менты так и впечатлились обнаруженным трупом. Про нас с Иркой и говорить нечего. То, что это именно убийство, сомнений не вызывало: при такой ране на затылке весьма трудно представить, что дядя заполучил ее, неудачно грохнувшись о землю. Вокруг не только камней, даже приличной коряги не было.

– Вот так ничего себе, – ошалело молвил сержант, а его напарник завопил:

– Саня, вызывай скорее группу... И не трогайте здесь ничего, следы затопчем, потом нам спасибо не скажут.

Мы устроились на крыльце ближайшего домика, Саня по рации путано объяснял, что случилось, мы с Иркой жались друг к другу, второй мент, сняв фуражку, скреб за ухом и горестно вздыхал.

Следственная группа приехала только через час, мы все

это время просидели на крылечке, строя предположения одно нелепее другого. Появление людей, сведущих в таких малоприятных делах, вызвало у наших новых знакомых вздох облегчения. Пока мужчины суетились возле трупа, я пыталась оценить произошедшее. До того, как мы наткнулись на тело старика, я была уверена, что сюда он прибыл в компании тех самых типов в кожаных куртках. Предположение вполне логичное, учитывая, что всех троих интересовала я. В баре они вели себя так, точно не были друг с другом знакомы, но, с моей точки зрения, это являлось лишь хитрым ходом. Дядя попытался со мной поговорить, а когда попытка провалилась, появились эти двое. Поведение их доброжелательностью не отличалось, они сразу дали понять, что шутки шутить не склонны. Теперь эта версия критики не выдерживала. Выходит, они не компаньоны, а противники. Старик незаметно покинул бар и некоторое время болтался неподалеку. Потом проник на территорию и с неясной целью здесь болтался. Впрочем, цель хоть и смутно, но вырисовывалась. Если стук в окно мне не пригрезился, то шастал под окнами, скорее всего, дядя в светлом плаще. Рассчитывал поговорить со мной еще раз? В это время появились двое в кожаных куртках, а через несколько минут приехала охрана. вполне вероятно, что и старик, и парочка поспешили покинуть территорию, столкнулись в темноте и в результате появился труп. Может, они и не собирались его убивать, а с перепугу удар не рассчитали? Так это или нет, я

вряд ли узнаю, по крайней мере сегодня. Следовало срочно решить, что отвечать ментам на вопросы, которые непременно возникнут. Двое в кожанках интересовались мной, утаить сей факт невозможно. В Ирке я уверена, но в баре в тот момент присутствовало слишком много людей, кто-нибудь непременно проболтается. Утром об убийстве будет знать вся округа, что неудивительно, событие из ряда вон выходящее. Свидетелей нашего со стариком разговора не было, следовательно, о его интересе ко мне можно и промолчать. Сообщил я о нем, и хлопот не оберешься. Почему я вдруг понадобилась такой прорве народа? Для меня это загадка, но следователь в моем неведении непременно усомнится.

С крыльца дома мы с Ирккой переместились в мою комнату, сидели на диване, погруженные в невеселые думы. Вид трупа так подействовал на подружку, что с вопросами она не лезла, и то хорошо. Внезапно восставший из комы Василич нарезал круги вокруг нас, досадливо охая, то и дело повторяя:

– Что ж вы меня не разбудили, дуры?

– Да замолчи ты! – прикрикнула Ирка, и сторож выскользнул на крыльцо, откуда вел наблюдение за действием следственной группы; заглядывая к нам время от времени, он сообщал, что происходит. Когда рассвело, приехала еще одна милицейская машина.

– Собаку привезли, – возвестил Василич. Собака взяла след, направилась к пристани, а потом к кустам за забором.

Именно там стояла машина, след шин был хорошо виден на земле.

Наконец и о нас вспомнили.

– Чего говорить-то? – шепнула мне Ирка.

– Правду, – пожала я плечами.

События того вечера были мною подробно изложены и записаны. Само собой, неприятные вопросы тут же возникли.

– Говорите, старик на такси приехал? А что ему здесь понадобилось, он не объяснил?

– Нет, – ответила я. – Он выспрашивал, сколько человек живет на базе, еще интересовался, не страшно ли нам тут втроем зимовать. Мне его разговоры не понравились, вот мы и решили, что лучше в баре вдвоем находиться. В первый раз старик выпил бутылку пива и ушел довольно быстро. Примерно через час опять появился, сел за стол и не сказал ни слова.

– В котором часу приехали те двое на «девятке»?

– В девять, может, чуть позднее.

– И спрашивали вас?

– Ага.

– Но вы предпочли сказать, что понятия не имеете о Протасовой Кристине Олеговне?

– Предпочла. Разговаривала с ними Ирина, а я в подсобке сидела.

– И вам не захотелось узнать, почему вас ищут?

– Они мне не понравились.

– Сами-то вы что думаете? Кто вас искал и почему?

– Всю ночь голову ломаю, но ничего толкового не выходит.

– Фамилия убитого Кубышкин. Кубышкин Константин Иванович. Вам это имя ни о чем не говорит?

– Нет, – ответила я.

– Между прочим, он частный сыщик. Соответствующий документ лежал в кармане пиджака вместе с паспортом.

– Такой старенький и сыщик? – удивилась я.

– Ему шестьдесят два года. Скорее всего, бывший мент на пенсии. И прибыл издалека. Ваш земляк.

– Да?

– Да. Что-то ведь ему здесь понадобилось?

– Ничего такого он не говорил. В родном городе я не была шесть лет. Там у меня брат, но мы не общаемся.

– Брат знает, где вы находитесь?

– Вряд ли.

– Допустим, он хотел узнать...

– И нанял частного сыщика? Тех двоих что, тоже мой брат нанял? По-моему, это глупость. В любом случае об этом лучше брата спросить.

Следователь смотрел настороженно, в течение часа он еще раз пять возвращался к этому вопросу, формулируя его все затейливее. Знала бы я ответ, непременно бы его осчастливила.

Парочка чужаков сразу же попала под подозрение: во-первых, из окна мы с Ирккой видели силуэты двух мужчин, во-вторых, и в-главных, других подозреваемых не было. Хотя кое-какие сомнения и я, наверное, вызывала, однако я все время находилась либо в компании Ирины, либо в своей комнате, покинуть дом без того, чтобы этого не услышала подруга, попросту невозможно, перегородки у нас хлипкие, а ей, как и мне, в тот вечер не спалось. В общем, двинуть по затылку старику чем-то тяжелым я не могла, да и причина, по которой мне бы захотелось это сделать, тоже не вырисовывалась. Ближе к утру выяснили: «девятка» со вчерашнего дня числится в угоне. Подозрение, что к убийству причастны двое типов в кожанках, это лишь усилило.

Только в семь утра следственная группа покинула базу, труп увезли чуть раньше. Не успела я вздохнуть с облегчением, как с вопросами полезла Ирка. Сна у меня ни в одном глазу, но я бы предпочла побыть в одиночестве. Само собой, ей было на это наплевать.

– Слышь, Киса, дядька-то, оказывается, частный сыщик. И приехал...

– Знаю, откуда он приехал. А зачем, понятия не имею, – отмахнулась я.

– Чего ты гонишь? Думаешь, я дура, да? Что, скажи на милость, красивой молодой девке делать в такой глуши?

– Сама-то ты чего здесь делаешь?

– У меня батя алкаш, и делить с ним однокомнатную квар-

тиру нет никакой возможности. А на свою ума не хватает за-работать.

– А у меня брат – зануда. Жизни учит, не с тем дружу, не туда хожу...

– Будь я на твоём месте, от подруги бы таиться не стала.

– Тебе повезло, что ты на своём. Не надо голову ломать, с какой стати меня кто-то ищет.

– Скажи честно, старичок тоже о тебе спрашивал?

– Ну спрашивал. И что?

– Дела, – покачала головой Ирка. – А чего сказал-то?

– Ничего толкового. Я же объясняла: вопросы задавал, кто здесь работает, что да как...

– Те двое на бандитов похожи. Морды злющие, страсть...

– Среди моих знакомых бандитов нет, господь миловал. Грабить банки не доводилось, в случайные связи не вступаю, секретов государственной важности не знаю. Не государственной – тоже. Короче, отстань. Без тебя тошно.

Ирка посидела некоторое время с томленьем на челе и наконец убралась в свою комнату. Никто меня больше не тормозил, но особого облегчения я не испытала, потому что вопросы остались.

Допустим, частного детектива действительно нанял брат. Хотя при его возможностях выбор довольно странный. А тех двоих откуда черт принес? Сколько я ни напрягала извилины, но ещё одной кандидатуры найти не смогла. Не считая Витьки, не было на свете человека, которого я могла бы за-

интересовать. Да и братцу искать меня нужды нет. Чем дальше я нахожусь, тем ему спокойнее.

На ум пришел Капитан Америка. Что, если сыщик появился здесь с его подачи? Мысль эта уже через мгновение показалась бредовой. Моему таинственному адресату хорошо известно, где я нахожусь. Нет, не складывается. Тяжко вздохнув, я вытянулась на постели и через некоторое время все-таки смогла уснуть.

К пяти вечера на базе успело побывать почти все население поселка. Мои худшие предположения оправдались, ни о чем другом, кроме недавнего убийства, граждане говорить не в состоянии. Полет фантазии был безграничен, версии предлагались самые фантастические. Само собой, я оказалась гвоздем программы. Все, кому не лень, лезли с вопросами. Чтобы от этой кутерьмы была какая-то польза, бар мы открыли уже в два часа, и выручка в тот день превысила летние рекорды. Ирка покрикивала на любопытных граждан, а я сидела рядом с несчастным видом. Приехавший Колька, отозвав меня в сторонку, сунул мне в руки мобильный.

– Это тебе. Мало ли что...

Вспомнив прошлую ночь, я кивнула, положила мобильный в карман и вернулась к стойке. Может, Колька и рассчитывал на иное изъявление благодарности, но, по обыкновению, помалкивал. К десяти вечера интерес граждан пошел на убыль, и я вздохнула с облегчением. Василич, который

весь вечер расхаживал по бару гоголем, набрался сверх меры, и домой его пришлось вести под руки.

– Надо завтра в город звонить, – сказала Ирка. – Еще один такой вечерок, и торговать будет нечем. Вот уж верно говорят, нет худа без добра.

– Ага. Кому война, а кому мать родна...

– Не подумай, будто я радуюсь, что человека убили.

– Чего радоваться, если выручка хозяйская.

– Маетно мне, Киса, не кончится все это добром.

– Ты б не каркала, – сказала я в досаде.

Однако, несмотря на Иркины предчувствия и мои, кстати, тоже, три дня прошли вполне мирно. Разговоры в поселке не стихали, но паломничество прекратилось. А в четверг меня вызвал следователь. Дурные предчувствия начали зашкаливать, и, отправляясь в город, я всерьез беспокоилась: вернусь ли к вечеру? На всякий случай покидала кое-какие вещички в рюкзак и с тяжелым сердцем отбыла на попутке.

Следователь, мужчина лет сорока с небольшим, встретил меня улыбкой.

– Присаживайтесь, Кристина Олеговна. Зовут меня Павел Андреевич. Присаживайтесь, присаживайтесь, – повторил он, видя, что я топчусь у двери. – Чаю выпьете с дороги?

Такая любезность скорее насторожила, возвращение на базу теперь и вовсе выглядело проблематичным.

От чая я отказалась, устроилась за столом напротив сле-

дователя, демонстрируя готовность к сотрудничеству. Павел Андреевич продолжал улыбаться, при этом сверлил меня взглядом и вроде бы к чему-то готовился. Я против воли начала ерзать, не выдержала и спросила:

– Есть новости?

Он пожал плечами:

– Меня очень интересует, что частному детективу из вашего родного города понадобилось в здешних краях.

– Если это вопрос, то ответа на него я не знаю, – сказала я как можно спокойнее. – Я ни от кого не прячусь.

– Да-да, – покивал он, не особенно мне поверив. – У вас ведь есть брат?

– Есть, – кивнула я, почувствовав беспокойство. – Но моему брату незачем нанимать детектива. По крайней мере, придумать причину, по которой он решил бы сделать это, я не берусь.

– Вот как? То есть вашему брату известно, где вы находитесь?

– Я не делала из этого тайны.

– Он ведь очень богатый человек, я прав?

– Ага. Владелец заводов, газет, пароходов.

Павел Андреевич усмехнулся:

– Имея такого брата, вы могли бы жить припеваючи. Вместо этого работаете инструктором...

– Мне моя работа нравится, – перебила я.

– Не сомневаюсь. И все же довольно странно...

– Не вижу ничего странного. У брата своя жизнь, у меня своя.

– То есть ваши отношения не сложились?

– Нормальные у нас отношения, – ответила я. – Просто у каждого своя жизнь.

– Давно вы виделись в последний раз?

– Несколько лет назад.

– А поточнее?

– Поточнее: ровно столько, сколько я живу здесь.

– Нравится в наших краях? – вроде бы сменил он тему, голос звучал ласково, но выражение глаз по-прежнему настаивало.

– Если бы не нравилось, нашла бы место получше.

– Брат в гости не собирался?

– Нет. Он очень занятой человек.

– И вы все эти годы увидеться с ним особого желания не испытывали?

– У меня тоже много дел. Работа, учеба... Отпуск я предпочитаю проводить на море, то есть здесь.

– Понятно, – вновь покивал он.

– Я живу так, как мне нравится, – не выдержала я.

– А брату ваш образ жизни по душе? – улыбка на его физиономии стала шире.

– Я не спрашивала. В моем возрасте логично жить своим умом. К чему все эти вопросы, Павел Андреевич? – поинтересовалась я. Отвечать он не спешил.

– Вы покинули родной город в восемнадцать лет. Я прав?

– Правы. И что?

– Была причина?

– Была. Хотелось самостоятельности. Я не понимаю: какое отношение мой брат может иметь к недавнему убийству?

– Вот и я пытаюсь понять, – усмехнулся он. – Я связался с коллегами в вашем родном городе... Мои вопросы продиктованы вовсе не праздным любопытством, Кристина Олеговна.

– Верю на слово. Было бы здорово, объясни вы мне...

– Нежелание жить в родном городе связано с вашим похищением? – быстро произнес он. Вопрос не должен был вызывать удивление, раз уж он сказал, что имел беседу с коллегами, находящимися за полторы тысячи километров отсюда, и все-таки на мгновение я растерялась.

– Допустим, – помедлив, кивнула я.

– Расскажите мне об этом, – голос его стал вкрадчивым, а я поморщилась.

– Человек, похитивший меня, был осужден. Если вас интересуют детали, вы можете узнать о них из уголовного дела.

– Меня вполне удовлетворит ваш рассказ.

– Ни малейшего желания вспоминать об этом.

Он кивнул, вроде бы соглашаясь.

– И все-таки...

– Хорошо, – досадливо ответила я. – У моего брата был водитель, молодой парень, который решил разбогатеть. И не

придумал ничего умнее, как меня похитить. Позвонил брату, потребовал деньги. Его арестовали раньше, чем он успел их получить. Вот и все.

– И сразу после суда над ним вы покинули город? Боялись, что подобное может повториться?

– Вас это удивляет? – разозлилась я.

– Нисколько. Я вас прекрасно понимаю. Молодая девушка – легкая добыча. У вас нет родственников, кроме брата?

– Нет.

– Он не был женат, – точно размышляя вслух, продолжил Павел Андреевич. – Детей не имел... Вы – единственная наследница многомиллионного состояния. Я правильно понял?

– Брат, конечно, старше меня, но ему всего тридцать восемь, и здоровье у него отменное. А я не спешу получить наследство. Говоря откровенно, оно мне на фиг не нужно, прошу прощения. Моя жизнь меня вполне устраивает.

– Думаю, вам следует проявлять осторожность, – очень серьезно заявил Павел Андреевич и добавил: – У меня для вас скверная новость. Неделю назад ваш брат был убит.

– Черт... – только и смогла произнести я.

Следователя я покинула через два часа, брела к автобусной остановке, мало что замечая вокруг. Прощаясь, Павел Андреевич еще раз посоветовал проявлять осторожность. Ход его мыслей был предельно ясен. Брат погиб, нет сомне-

ния, что убийство заказное, и цель его незамысловата: прикарманить чужое добро. Я – единственная наследница, а значит, и единственное препятствие к осуществлению чьих-то замыслов. Препятствие, легко устранимое, по крайней мере для людей, которые не брезгают убийством. Адвокат брата пытался меня отыскать за те семь дней, что прошли после убийства, но не преуспел, а вот кое-кто оказался куда удачливее. Здесь появился частный детектив, а вслед за ним парочка головорезов, которых тоже интересовало мое местонахождение. Их интересы не совпадали, и сыщик погиб. А мне в ту ночь здорово повезло. По крайней мере, Павел Андреевич был в этом абсолютно уверен.

– В рубашке вы родились, Кристина Олеговна, – заявил он. – Не то было бы у нас сейчас два трупа.

Кто нанял Кубышкина, того самого детектива, до сих пор не ясно. Никаких документов, свидетельствующих об этом, в его офисе не обнаружили. Такое впечатление, что последние несколько месяцев он вообще не работал. Его дочь утверждала: в планах отца на ближайшее время значились сельхозработы на даче, и с какой стати он вдруг сорвался на юг, для нее загадка.

– Адвокат вашего брата свяжется с вами в ближайшее время, – сказал Павел Андреевич. – И разумеется, захочет с вами встретиться. Так что вас ожидает дорога в родной город.

– Я могу уехать? – с недоверием спросила я.

– Не вижу необходимости задерживать вас тут, – пожал

он плечами. – Тем более что повод для вашего отъезда самый серьезный. Убийцу господина Кубышкина надо искать не здесь, – добавил он с кривой ухмылкой.

– То есть вы его искать не собираетесь? – в свою очередь усмехнулась я.

– Почему же? У меня работа такая – искать. А вам советую быть очень осторожной. Когда в деле замешаны большие деньги... – Дальше он мог не продолжать.

Первым моим желанием было отправиться на вокзал и купить билет на ближайший поезд, все равно куда. Авось да найдется место, где меня не скоро найдут. Но верилось в это с трудом. Найдут, если уж смогли отыскать меня в этом богом забытом углу. В общем, вопрос стоял так: либо я забьюсь в нору поглубже, где буду вздрагивать от каждого шороха, либо... либо попытаюсь разобраться в том, что происходит. Встречу испытания с гордо поднятой головой, так сказать. Первое мне совсем не улыбалось, второе тем более энтузиазма не вызывало. Но, выходя из автобуса на остановке возле турбазы, я уже знала: мне предстоит дорога в отчий дом. А там посмотрим. Отправиться в неизведанные дали я всегда успею, по крайней мере, я на это надеялась.

Не в моем характере откладывать задуманное, вот и с возвращением в родной город я тянуть не стала.

– Я уезжаю, – сказала я Ирке, как только вошла в бар. Подруга изнывала от нетерпения, поджидая меня, и, услышав такое, замерла с открытым ртом.

– Куда уезжаешь? Почему?

– Брат погиб.

– Да ты что? Тебе следователь сказал? А что случилось?

– Не доставай вопросами, я на них сегодня отвечать заму-
чилась. К тому же ничего сама толком не знаю. Разберись на
месте.

– О господи... как же так... Надолго уезжаешь?

– На пару недель. Оформи мне отпуск.

– А как же убийство этого дядьки? Слушай, так, может,
тебя из-за брата искали? Что следователь-то сказал?

– Он сам говорить не любитель, все больше спрашивал.

Само собой, успокоиться Ирка была не в состоянии и про-
должала донимать вопросами, своими догадками, конечно,
тоже. Заглянув в Интернет, я узнала, когда отправляется
ближайший самолет в родной город.

В тот вечер бар мы закрыли рано, а спать легли в одной
комнате. Василич, пылая энтузиазмом, бродил по террито-
рии, чем очень раздражал Ирку.

– Очухался, труженик, – ворчала она, то и дело вороча-
ясь рядом. Я симулировала сон, не желая поддерживать раз-
говор. Мысли разные одолевали, и присутствие рядом Ирки
было некстати, но и обижать ее не хотелось.

Утром мы позавтракали, и я вызвала такси, чтобы ехать
в аэропорт. Отправлялась налегке, с рюкзаком и ноутбуком
в сумке.

– Ты не вернешься, – вдруг сказала подруга, провожая ме-

ня до машины.

– С чего вдруг? – усмехнулась я.

– Чувствую... напиши мне, ладно? Хоть буду знать, что с тобой.

– Напишу.

– Все-таки ты свинья, так ничего о себе и не рассказала, оставляешь человека изнывать от любопытства.

– Нечего рассказывать, нет у меня никаких тайн.

– Ага... – хмыкнула Ирка. – А хочешь, я с тобой поеду? Сезон начнется не скоро, время есть...

– Не хочу, – ответила я. – Не обижайся, дело вовсе не в тебе. Опять же, Василича здесь одного не оставишь.

– Да ладно, все я понимаю... Ну что, удачи тебе, подруга. Может, еще и увидимся.

– Что за пессимизм? Конечно, увидимся.

Она покачала головой в сомнении, мы обнялись, расцеловались, и я села в ожидавшую меня машину, бросив взгляд на домики за забором. Хоть я и заверила Ирку, что вернусь, но в глубине души в этом сомневалась и мысленно прощалась со своей прежней жизнью. Прощалась с легкой грустью, потому что шесть лет, проведенные здесь, были вполне счастливые, и вместе с тем... теперь я могла честно признаться самой себе: эти годы были годами ожидания, вот только я понятия не имела, ожиданием чего.

Звонок адвоката застал меня по дороге в аэропорт.

– Кристина Олеговна? Это Ноговицын Артем Леонидович, адвокат вашего брата. – И с легкой заминкой: – Вам уже сообщили?

– Да, – ответила я. Возникла пауза, то ли от меня ожидали выражения чувств, то ли мужчина прикидывал, стоит ли как-то выразить свои. В конце концов спросил:

– Когда вы сможете приехать?

– У меня самолет через четыре часа. Время прибытия в 16.45.

– Отлично. Я позабочусь о том, чтобы вас встретили. – Вновь пауза, и неуверенное: – Всего доброго.

– Вам того же, – ответила я, сунула телефон в карман и ушла в окно.

С того момента, как мне сообщили о смерти брата, я упорно избегала думать о нем. Как будто речь шла не о единственно близком мне человеке, а о ком-то малознакомом и потому не играющем никакой роли в моей жизни. И вдруг пришла мысль: Витьки больше нет. А вслед за этим грудь сдавило, отзываясь во всем теле острой болью.

Шесть лет я твердила себе, что его для меня не существует, и вот его действительно нет... А я не в силах в это поверить... И вместе с болью пришло что-то вроде озарения: что бы я ни твердила себе, как бы ни пряталась от своих чувств за десятком доводов, причин и объяснений, но я все еще люблю его. И со всей ясностью поняла, что теперь по-настоящему осиротела. Одна во всем мире – звучит сентиментально

и пугающе правдиво.

На самом деле Виктор был мне единокровным братом. Мой отец, Протасов Олег Викторович, в первый раз женился в возрасте двадцати пяти лет из весьма корыстных побуждений, о чем говорил откровенно и без всякого стеснения. На ту пору он был комсомольским вожаком. Парень из рабочего района, мать воспитывала его в малоприятном одиночестве, отца он совсем не помнил, тот через три года после его рождения погиб в пьяной драке, оставив в наследство долги и комнату в общежитии, где мой отец и жил до самого окончания школы. Мать больше всего на свете боялась, что единственный сын пойдет по проторенной дорожке, которая вела к безудержному пьянству и, как следствие, ранней кончине, если не от цирроза печени, так от ножа недавнего друга, и всеми силами старалась привить сыну мысль о другой, куда более достойной жизни. Работала много и тяжело, лишь бы он ни в чем не нуждался. Опасения моей бабули оказались напрасными, отец люто ненавидел и общежитие, и ее обитателей, испытывая одно желание: поскорее с ними проститься. В школе хорошо учился, поступил в институт, но сидеть на шее у матери считал невозможным и устроился на работу. Трудолюбия ему было не занимать. Очень скоро он понял, что вождельный диплом особых изменений в жизнь не принесет, зарплата инженера смешна до неприличия, и комната в общежитии еще долго будет их единственным приста-

нищем. Оттого и подался в комсомольские вожакИ. Расчет был верен. Господь наградил отца изрядным красноречием и счастливой особенностью оказываться в нужном месте в нужное время. Его заметили и начали продвигать, правда, до определенных пределов. Чтобы достигнуть высот, о которых он мечтал, нужны связи, у парнишки-безотцовщины их не было. И тут судьба свела его с молодой женщиной. Старше его на семь лет, далеко не красавица, она не обладала ни особым умом, ни ангельским характером, зато ее папа был первым секретарем обкома партии, что в глазах моего родителя явилось таким огромным плюсом, что все минусы просто не имели значения. Хотя завидным женихом он считаться не мог, в семействе был принят благосклонно, возможно, потому, что прочие претенденты оказались куда хуже, если вообще имелись. Дочка перешагнула тридцатилетний рубеж, и злые языки поспешили записать ее в старые девы. Свадьба была пышной, молодые отправились по туристической путевке в Югославию, а вернувшись, поселились в отдельной квартире. О своей карьере отец мог более не беспокоиться, в общем, жизнь удалась. Думаю, папа был с этим утверждением согласен, несмотря на скверный характер супруги, которая помыкала и им, и свекровью, ежедневно напоминая, кому они обязаны своим счастьем. Через два года благоверная родила сына, к огромной радости всего семейства, отец был горд, счастлив и об иной жизни не помышлял. Пока не встретил мою маму. Встречу эту романтической на-

звать было трудно. Маме только-только исполнилось восемнадцать, сирота из интерната, которой по закону положено жилье. Исполнять закон никто не торопился, и мама вместе со своей бывшей воспитательницей пришла на прием к отцу. В результате у преуспевающего чиновника начисто снесло башню. Мама была редкой красавицей, но, скорее всего, отцу к тому моменту попросту осточертело его семейное счастье. Тестя успели проводить на пенсию, и особо опасаться его не стоило. Не мне судить, что там было и как, но в одном я уверена: отец очень любил мою маму. Хотя развод с женой и стоил нервов, через год папа с мамой отправились в загс, а еще через шесть месяцев родилась я. Бывшая супруга приложила массу усилий, чтобы досадить изменнику, на карьере пришлось поставить жирный крест. Однако отца это ничуть не огорчило, он был абсолютно счастлив, правда, счастье длилось недолго. Мама умерла в двадцать пять лет от редкой и неизлечимой болезни, что позволило бывшей супруге отца вдоволь позлорадствовать: с ее точки зрения, предатель получил по заслугам. Может, от избытка этого самого злорадства у нее открылась застарелая язва, потом выяснилось, что все куда хуже, врачи оказались бессильны, и Протасова Ольга Аркадьевна скончалась, когда ее сын только-только окончил институт. Мой отец на похоронах не присутствовал, о смерти первой жены узнал через полгода, и то случайно. Жениться в третий раз он не пожелал, воспитывала меня бабушка, которая все эти годы жила с нами.

Маму я совсем не помнила, наверно, по этой причине и не чувствовала себя сиротой. Времена сменились, отец занялся бизнесом, дела его шли успешно. Работал он много, видела я его в основном по выходным. Во всем, что касалось меня, он целиком полагался на свою мать, которую очень любил, и ее смерть явилась вторым серьезным испытанием. Мне было восемь лет, и отец понятия не имел, куда меня пристроить на то время, что он занят делами. Домработниц сменяли няни, ни те, ни другие не задерживались. С одними отец никак не мог найти общий язык, с другими – я.

Три года я жила как на вокзале: рядом со случайными людьми, в постоянном ожидании выходных, когда отец наконец-то появится дома.

В один из таких выходных мы отправились на рыбалку и попали в аварию. Я отделалась синяками, а отец погиб. Приходящая няня, узнав о трагедии, задалась вопросом, кто ей заплатит за прошедший месяц. И, не получив на него вразумительного ответа, отбыла в неизвестном направлении. Друзья отца взяли на себя все связанное с похоронами и старательно избегали смотреть в мою сторону. То есть все мне сочувствовали и проявляли беспокойство, но что со мной делать на следующий день после похорон, никто не знал. Ни близкой родни, ни дальней у меня не было, выходило, мне одна дорога: в детский дом. Мысль об этом вызывала нервную дрожь, потому что одноклассники успели просветить меня, что это такое. Само собой, их рассказы не отли-

чались особой правдивостью, зато были исключительно красочны. В день похорон Виктор и появился. До того момента я не подозревала, что у меня есть брат. Его мать сделала все возможное, чтобы отец с сыном не встречались, ее старания плюс обида мальчишки на отца, который его бросил, принесли свои плоды. За двенадцать лет они ни разу не виделись. То, что отец о первенце помалкивал, еще более-менее понятно, но как моя словоохотливая бабуля ни разу о нем не обмолвилась, для меня загадка. Вероятно, взаимные обиды были сильны.

Очень хорошо помню момент, когда впервые увидела брата. Я сидела в кресле, очумевшая от горя и отчаяния, и тут в комнату вошел молодой мужчина, то есть мне-то он в тот миг казался взрослым дядей, и слово «брат» с ним ассоциироваться не могло. Оттого тихий шепот соседки: «Это твой брат» – вызвал скорее недоумение.

Виктор подошел, взял меня за руку и сказал:

– Привет, ты Кристина? А меня зовут Виктор. Теперь ты будешь жить со мной.

А я как-то сразу успокоилась, весь день от него не отходила ни на шаг и все норовила держать его за руку. В тот же вечер он, побросав мои пожитки в чемодан, увез меня в свою квартиру. Уже через месяц я твердо знала, что вытаскала счастливый билет. О таком брате можно было только мечтать. Моя любовь к нему не знала границ и не шла ни в какое сравнение с чувствами к отцу, который всегда суще-

ствовал где-то на периферии моей жизни, ни даже с чувствами к некогда бесконечно любимой бабушке. Конечно, злые языки болтали, что благородный поступок брата был продиктован корыстью: вместе со мной к Витьке перешла фирма отца. Витька и сам к тому моменту занимался бизнесом, однако отцовское наследство пришлось весьма кстати. Может, некая корысть и имела место, но была отнюдь не решающим фактором. Прежде всего половину наследства он получил бы в любом случае; целое лучше половины, с этим не поспоришь, зато и от забот об одиннадцатилетней девчонке, характер которой особой покладистостью не отличался, он был бы избавлен.

Никаких домработниц и нянь в доме теперь не было. Разговаривал со мной Виктор как с человеком взрослым, и, следовательно, вести себя мне следовало как человеку взрослому, вполне способному о себе позаботиться. Вечером мы составляли список продуктов, а днем после школы я отправлялась в магазин, испытывая ни с чем не сравнимое чувство гордости. И хотя в средствах меня особо не урезали, мне и в голову не пришло тратить их на всякую ерунду. Я завела тетрадь, в которой записывала расходы, и раз в неделю показывала ее Виктору, за что вскоре и получила прозвище «бухгалтер». За полгода я освоила поваренную книгу, а в промежутке между готовкой и учебой носилась по квартире с пылесосом, распевая песни во все горло.

В восьмом классе я схлопотала тройку по химии. Вернув-

шись с родительского собрания, Витька сказал с печалью:

– Придется брать помощницу по хозяйству.

– С какой стати? – насторожилась я.

– Ты еще ребенок, а обязанности у тебя совсем не детские, я должен был предвидеть, что это скажется на учебе. Извини.

– Не надо никакой помощницы, – заголосила я.

– Надо. Тебе тяжело, вот ты и не справляешься.

– Это я не справляюсь? – Второй вопль был куда громче первого, и за химию я взялась всерьез, кляня ее на все лады, и уже в следующей четверти с гордостью совала Витьке под нос свой дневник.

В общем, он оказался прекрасным педагогом, хотя, может, и сам об этом не знал, мне же ни разу не пришло в голову, что меня «воспитывают». Те годы, что мы прожили вдвоем, я смело могла назвать самыми счастливыми в своей жизни. Я знала всех Витькиных друзей, потому что он вечно таскал меня с собой, оправдываясь тем, что оставить меня не с кем, даже когда мне исполнилось пятнадцать, и этот довод впечатления не производил. Со своими девушками он непременно меня знакомил, каждый раз интересуясь моим мнением, ненавязчиво давая понять: как бы ему ни нравилась очередная подружка, я для него все равно дороже. Так что повода для детской ревности у меня никогда не возникало, тем более что с женитьбой он не спешил и перемен в нашей жизни не предвиделось.

Я гордилась братом, мне он казался самым умным и са-

мым красивым, хотя в его внешности не было ничего особенного. Чуть выше среднего роста, спортивный, зеленоглазый и светловолосый, как я. На этом, собственно, наше внешнее сходство заканчивалось. Витькины друзья часто надо мной подшучивали, утверждая, что я вырасту редкой красоткой и им не поздоровится. Я фыркала и краснела от удовольствия. Когда мне исполнилось пятнадцать, шутки остались в прошлом, а на смену им пришли восхищенные взгляды, которые моего брата здорово доставали.

– Вы что, спятили? – слегка невпопад начинал ворчать он. – Она еще ребенок.

Повышенное внимание мужчин сделало меня девушкой весьма разборчивой, я не спешила заводить романы со сверстниками, никто из Витькиных друзей святых чувств тоже не вызвал. Само собой, я мечтала о любви. Избранник виделся с трудом, то с внешностью Брэда Питта, то Джейсона Стетхэма, только моложе, но ни того, ни другого поблизости не наблюдалось, что вовсе меня не печалило. Я готова была ждать столько, сколько понадобится, и твердо знала, что получу от жизни все, о чем мечтаю. А потом моя счастливая жизнь рухнула в один день... Я так тщательно избегала воспоминаний о своем похищении, что теперь оно казалось чем-то нереальным, словно кто-то впопыхах и не очень толково рассказал историю, которая ко мне не имела никакого отношения. Впервые за шесть лет я попыталась восстановить события тех дней, но почти сразу отказалась от этой

затеи. Есть вещи, с которыми невозможно смириться, проще сделать вид, что их и не было вовсе. А теперь, когда не стало Виктора...

– Пристегните ремни, – бесстрастный голос из динамика прервал мои размышления. Самолет шел на посадку, а я невольно поежилась. В третий раз за мои двадцать четыре года жизнь круто менялась.

В толпе встречающих я заметила мужчину, который держал в руках листок бумаги с моей фамилией, и направилась к нему. Не знаю, что он ожидал увидеть, но точно не меня. Наверно, его снабдили описанием моей внешности: красавица-блондинка и все такое... а может, в его представлении сестра такого человека, как мой брат, должна выглядеть совсем иначе. По крайней мере, прилично одетой, с маникюром, прической и тремя чемоданами, набитыми барахлом. Девушка в джинсах и ветровке, надвинутой на глаза кепке и с рюкзаком за плечами в его шкале ценностей лидирующих позиций не занимала.

Он окинул меня суровым взглядом, который можно было понять лишь в одном смысле: «чего уставилась», а я кивнула на листок бумаги в его руках и сказала:

– Это я. Хотя, может, вы ждете мою однофамилицу.

– Вы Кристина? – спросил он с сомнением.

– Точно.

– Здравствуйте, – произнес он и спросил слегка суетли-

во: – А ваши вещи?

– Я належке.

– Ага. – Мой рейтинг рухнул окончательно, но дядя смог скрыть некое разочарование и произнес вполне любезно: – Идемте, машина на стоянке. – Взял сумку с ноутбуком из моих рук и зашагал к выходу. – Меня прислал Валентин Сергеевич, – счел нужным пояснить он.

Легостаев Валентин Сергеевич – друг и компаньон моего брата, когда-то для меня он был просто Валя, а за глаза и Валькой, но шесть лет могли внести существенные коррективы, и отчество я на всякий случай запомнила.

– Он извиняется, что не смог сам приехать, – продолжил мой спутник. – У него важная встреча, но через полчаса он освободится. Просил привезти вас в ресторан, где он сейчас находится, заодно сможете перекусить с дороги.

– Меня в самолете накормили, – ответила я.

Мужчина пожал плечами, мол, дело не мое.

– Я его шофер, – продолжил он объяснять на ходу. – Зовут меня Кирилл. Долетели нормально?

Я молча кивнула. На стоянке, забитой машинами, мы передвигались друг за другом. Кирилл подошел к «Мерседесу» темно-синего цвета и предупредительно распахнул передо мной заднюю дверь. Я сбросила рюкзак и устроилась на сиденье.

Через десять минут мы покинули территорию аэропорта, я начала с любопытством оглядываться, стараясь уловить

перемены. Встреча с городом детства вызвала неожиданное волнение. Впрочем, до города отсюда километров десять, однако перемены стали заметны почти сразу. Громадный торговый центр возле дороги, за ним, чуть в стороне, новые многоэтажки.

– Давно здесь не были? – понаблюдав за мной в зеркало, спросил Кирилл.

– Шесть лет.

– За шесть лет многое изменилось, – кивнул он.

Ресторан, куда меня привез Валькин шофер, находился в центре города и занимал двухэтажный особняк, построенный еще в девятнадцатом веке. Название ни о чем мне не говорило, я попробовала вспомнить, что тут было шесть лет назад, и не смогла, хотя сам дом в памяти, конечно, остался.

– Валентин Сергеевич ждет вас в зале на первом этаже, – сказал Кирилл, тормозя у входа. Я потянулась за рюкзаком, а он добавил: – Вещи оставьте, я вас потом домой отвезу.

Зал ресторана выглядел роскошно, и девице в моем прикиде здесь было не место. Меня это волновало мало, а вот толстяка за ближайшим столиком мой внешний вид покорибил. Пока я, стоя в трех шагах от двери, осматривала зал, пытаюсь обнаружить Вальку, толстяк сверлил меня взглядом, а потом спросил насмешливо:

– Деточка, ты не потерялась? – Его вопрос я оставила без внимания, надеясь, что он угомонится, но мое молчание вы-

звало внезапный гнев. – Слышишь, что тебе говорят? – повысил он голос. Но ответа вновь не дождался и обратился к пробегавшему мимо официанту: – У вас здесь что, проходной двор?

– Простите? – подобострастно склонился тот к возмущенному толстяку.

– Что здесь делает эта девица?

– Вы... – начал официант, глядя на меня с некоторой неуверенностью.

– У меня тут встреча, – сказала я. – К сожалению, никто не предупредил, что я должна явиться в вечернем платье.

– А оно у тебя есть? – не унимался толстяк. Я решила, что ему пора заткнуться, и ласково предложила:

– Отвянь, дядя, – продолжая осматривать зал в поисках Вальки. И тут услышала голос просто сказочной красоты, негромкий, вкрадчивый и интригующий:

– Что ты пристал к девушке?

У меня мгновенно возникло желание взглянуть на его обладателя, что я и сделала. Напротив толстяка сидел мужчина лет тридцати пяти, а я с удивлением подумала, как это я могла не обратить на него внимания? Он его, безусловно, заслуживал, причем самого пристального. Не такой красивый, как его голос, но все же очень-очень привлекательный. На физиономии улыбка, по-мальчишечьи задорная, так и подмигивало улыбнуться в ответ, а вот выражение глаз с его расчудесной улыбкой никак не стыковалось, не было в нем маль-

чишеского задора и ничего приятного также не наблюдалось. Его взгляд говорил: «Я тебя знаю. Я знаю о тебе все, и обо всех других тоже».

– И вам бы не худо помолчать, – заметила я.

Мужчина засмеялся, а лицо толстяка налилось краской.

– Нет, ты слышал?

– Красавицам можно простить невоспитанность, – перестав смеяться, пожал плечами мужчина и сказал, обращаясь ко мне: – Может быть, присядете к нам? С удовольствием угощу вас кофе.

Пока толстяк пытался понять, с чего это его приятель вздумал так шутить, тот весело продолжил:

– Разуи глаза, дружище, перед нами девушка из тех, что разбивают сердца по дороге в ближайший супермаркет.

– Эти твои вечные шуточки, Феликс, – покачал головой толстяк, но притих и теперь пялился на меня с большим старанием, а я подумала: «Значит, его зовут Феликс. Имя редкое и ему, безусловно, подходит».

Вслед за этим пришла досада: я торчу у дверей уже бездну времени, и выглядит это глупее глупого. Надо либо уходить, либо... Тут рыхлый мужчина в сером костюме, сидевший возле окна спиной ко мне, повернул голову, и я с удивлением узнала в нем Вальку. Он мазнул взглядом по моей физиономии и отвернулся, а я направилась к его столу.

– Чашка кофе за мной, красавица, – сказал Феликс мне вдогонку.

Валька посмотрел с недоумением, когда я опустилась на стул. Впрочем, называть его теперь Валькой даже за глаза язык не поворачивался. Солидный дядя, который мне не особо нравился. Слишком ухожен, слишком хорошо одет. На физиономии выражение легкой скуки и презрения. Его принадлежность к Homo Sapiens businessmeniens не вызывала сомнений. Уже через мгновение недоумение сменилось недоверием, он нахмурился, а потом произнес нараспев:

– Господи, Кристина, это ты? – Глаза едва не вылезли из орбит, так его разбирало, а я подумала, стоит ли считать подобную реакцию комплиментом.

– Надо было заскочить в магазин модной одежды, – сказала со вздохом. – Мое появление вызвало в рядах завсегдаев беспокойство.

– Ты... ты так изменилась, – пролепетал он, не очень-то меня слушая.

– Выросла? – подсказала я без намека на иронию.

– Да. То есть я хотел сказать... боже мой, как ты изменилась.

– Надеюсь, все-таки в лучшую сторону.

– А волосы, что с твоими волосами?

Следовало признать, перемены в моем облике у Валентина Сергеевича вызвали что-то вроде шока, он все не мог успокоиться и отвлечься от моей внешности.

– Ничего особенного, – успокоила я. – Краска, которую можно купить в любом магазине.

– Да, конечно, – точно опомнившись, кивнул он. – Извини за глупые вопросы. Как добралась? Все нормально? Ты ведь уже знаешь о Викторе? – Теперь он заговорил очень быстро, как будто торопился избавиться от дурных новостей. – Его похоронили. Извини, что без тебя... мы пытались тебя отыскать, но... никаких сведений... по крайней мере, в бумагах Виктора ничего не нашли. Ждать было нельзя...

– Я все понимаю, – перебила я, он кивнул, вздохнув с заметным облегчением.

– Артем... Артем Леонидович, адвокат Виктора, сказал мне вчера, что тебя наконец нашли... Где ты была все это время?

– В разных местах. Давай поговорим о брате.

– О Викторе? – переспросил он.

– Если мне не изменяет память, у меня был только один брат, – серьезно сказала я. Валентин Сергеевич нервно облизнул губы и произнес:

– Его убили.

– Кто?

– Откуда мне знать? – теперь в голосе было возмущение.

– Его что, убили в пьяной драке?

Глаза моего собеседника медленно, но верно полезли на лоб.

– Ты с ума сошла? Какая драка? Его застрелили в собственной квартире...

– Грабитель?

– Ничего похищено не было. Кристина, что за странные вопросы ты задаешь?

– Чего же странного? – пожала я плечами.

– По версии следствия, это заказное убийство...

– То есть связано с его бизнесом? – подсказала я. – Тогда чего ты мне голову морочишь?

– Я тебя не понимаю.

– Вы были компаньонами, так кому, как не тебе, знать или догадываться, кто убил моего брата.

– Но я действительно не знаю... – он с отчаянием покачал головой, только причина этого отчаяния оставалась не ясна: то ли в самом деле не знал, то ли его беспокоили мои вопросы, поди разберись.

– У него были враги? – не отставала я.

– Недоброжелатели, конечно, были... послушай, я думал, мы встретимся, поужинаем...

– Ага, – перебила я. – Вспомним молодые годы...

– Поговорим по-дружески, – поправил он. – А потом... в более подходящей обстановке обсудим наши дела.

– Есть что обсуждать?

– Разумеется.

– Тогда почему бы не сейчас? Не уверена, что задержусь в этом городе...

– Кристина, – Валька сграбастал мою ладонь. – Ты хоть понимаешь, в каком я положении? Моя доля в бизнесе составляет тридцать процентов, все остальное принадлежит

твоему брату, то есть теперь – тебе. Это убийство... оно просто выбило меня из колеи, я понятия не имею, что теперь будет... дело всей моей жизни...

– А что теперь будет? – задала я вопрос с самым невинным видом. Он тараторил на меня не меньше минуты.

– Все зависит от твоего решения.

– Я ничего не смыслю в делах и, честно говоря, не собираюсь тратить время, постигая премудрости бизнеса...

– Так это прекрасно, – брякнул он и досадливо скривился. – Я хотел сказать, тебе и не надо во все вникать. Ты будешь жить в свое удовольствие, где пожелаешь, получая свою долю прибыли. Тех денег, что тебе оставил Виктор, хватит на то, чтобы вести жизнь, достойную такой красивой девушки, не забывая голову цифрами...

– Ты хочешь купить долю брата? – предположила я. Он нервно поерзал.

– У меня просто нет таких денег.

– Но ты готов продолжить общее дело, невзирая на суровый урок?

– Что ты имеешь в виду? – вновь растерялся он.

– Моего брата убили, – ответила я терпеливо. – Ты готов поднять упавшее знамя, не боясь повторить его судьбу? Или уверен, что тебе его участь не грозит?

– Господи, – пробормотал он совершенно по-бабьи. – Что с тобой стало? Не смей меня подозревать, – перешел он на шепот, в голосе теперь звучала угроза пополам с обидой. – Я

не имею отношения к убийству. Мне оно совершенно невыгодно. Я уж молчу о том, что Виктор был моим другом. Долгие годы. Я не могу выкупить его долю, о чем уже сказал тебе. Если ты продашь свою часть бизнеса, я окажусь в малоприятном положении. Ты это понимаешь? С твоим братом мы отлично ладили, наши обязанности были четко разграничены, я всегда чувствовал себя полноправным компаньоном. Тридцать процентов – это только тридцать процентов. Согласен, совсем не мало, но...

– Но полноправным партнером ты можешь и не быть, – кивнула я, решив, что его беспокойство вполне понятно.

– Вот именно. Может возникнуть ситуация, когда мне просто придется продать свою долю. И все начинать заново. Так что оставь подозрения на мой счет. Как тебе в голову могло прийти такое? – добавил он.

– В мою голову много чего приходит, – пожала я плечами. – Так какие есть соображения?

– Насчет чего?

– Насчет убийства. Мы ведь о нем сейчас говорим?

– Не понимаю, тебе-то зачем все это? – спросил он в крайней досаде.

– Вообще-то убили моего брата, так что интерес вполне извинителен.

– Допустим, есть человек, которому убийство на руку. Он давно приглядывался к нашему бизнесу. Даже выходил с предложениями. Твой брат был категорически против объ-

единения. Считал, что это равносильно самоубийству.

– Брат был против, а ты?

– Конечно, я тоже. И меня очень порадовала его решимость, потому что по большому счету все зависело от Виктора...

– И кто этот тип?

– Зачем тебе имя? – нахмурился Валентин Сергеевич.

– Для общего развития. Считай это милым женским любопытством.

Он покачал головой.

– Чем меньше ты знаешь, тем мне спокойнее. Я хотел сказать, безопаснее для тебя.

– Насчет безопасности – пальцем в небо, – заметила я с усмешкой. – Если враги избавились от моего брата, логично теперь обратить свой взор на меня. Разве нет?

– Не думаю. Проще договориться.

– Ага, я ведь в бизнесе ни черта не смыслю. Что ж, храни свои тайны, а я буду ждать интересных предложений. Скорее всего, тех, от которых не отказываются.

– Мы подпишем все необходимые бумаги, и ты сможешь уехать, – скороговоркой выпалил Валька.

– По-моему, разумно, – кивнула я. – Но есть проблема. Вдруг захотелось задержаться в родном городе. Должно быть, ностальгия. Брат жил в родительской квартире? – сменила я тему, к негодованию Вальки. Негодование относилось не к моему вопросу, а к моему желанию задержаться в горо-

де, но демонстрировать его особенно явно он не стал.

– Два года назад Виктор купил квартиру на улице Горького. Прекрасная квартира...

– Там его и убили?

Он кивнул. Поставил себе на колени портфель, который до того момента лежал на соседнем стуле, и извлек из него связку ключей.

– В квартире навели порядок, – сказал Валька хмуро, точно сообщал о том, чего делать не следовало. – Никаких следов. Ты можешь жить там, если захочешь.

– Квартиру родителей он продал?

– Нет. Вот эти ключи от вашей старой квартиры. Он редко туда навещался, но продавать не хотел. Надеялся, что ты вернешься. Говорил, ты теперь взрослая и вряд ли решишь жить вместе с ним... Ты ничего не рассказала о себе, – добавил Валентин с некоторой обидой.

– Расскажу, куда спешить? – улыбнулась я вполне дружелюбно.

– Замуж не вышла? – не унимался он.

– Есть желание, но объект вожделения отсутствует.

– Теперь у тебя будет столько мужчин, сколько пожелаешь, – сказал он едва ли не с печалью.

– Так я и раньше не жаловалась. Извини, устала с дороги...

– Да-да. Мой шофер отвезет тебя... Хочешь, поеду с тобой?

– Не надо. Воспоминания, то да се... в такие минуты лучше побыть одной.

– А ужин? – вдруг всполошился он. – Хотя бы кофе выпей. Официант, уже некоторое время обретавшийся неподалеку, подойти не рисковал, боясь прервать наш увлекательный диалог, последние слова Валентина он, безусловно, слышал и незамедлительно возник рядом. Мой прикид его больше не смущал, подозреваю, теперь он считал, что красивой девушке все к лицу.

– Закажу пиццу на дом, – ответила я, вызвав у обоих разочарование.

– Запиши мой телефон, – заторопился Валька, видя, как я поднимаюсь. Он продиктовал номер, а я его записала. – Увидимся завтра? – спросил он, я кивнула. И поспешила к выходу.

Феликс сидел за столом в одиночестве и с улыбкой наблюдал, как я иду навстречу.

– Пока, красавица, – сказал он, когда я с ним поравнялась, а я решила не церемониться. Оперлась руками на стол, где в настоящее время стояла лишь чашка кофе в обрамлении салфеток и прочей атрибутики дорогих ресторанов, и спросила, наклоняясь к его лицу:

– Ты меня знаешь?

– Нет. А должен? Пстой, не твой портрет я видел недавно на обложке журнала?

– Значит, ты из тех придурков, что любят цепляться к де-

вушкам?

– Не ко всем. Только к красоткам вроде тебя. Их так мало, что последнюю неделю я тоскую в одиночестве. Не хочешь присоединиться?

– Друзья считают, от меня одни неприятности. Я им верю.

– Ничего не имею против неприятностей. Как зовут тебя, прекрасное создание? – усмехнулся он.

– Медуза Горгона.

– Красивое имя. Красивое имя для красивой девушки.

Выпьешь кофе?

– Пошел ты, – ответила я, поняв с большим неудовольствием, что в словесной баталии у меня нет шансов, и поспешно удалилась. Этого самого Феликса стоило выбросить из головы немедленно. Но не получалось. И, направляясь в Валькиной машине к дому, который долгое время считала своим, я продолжала думать об этом парне, а вовсе не о том, что меня ждет. Действительно ли он любитель случайных знакомств или его поведение что-то да значило? Например, ему было прекрасно известно, кто я такая. Допустим, известно. Я – богатая наследница, а он охотник за приданым? Охотник – в самую точку, а вот все остальное сомнительно. За шесть лет я кое-чему научилась и любителей дешевых понтов видела сразу. Этот был опасен. В сочетании с подозрением, что есть у него ко мне некий интерес, данное обстоятельство здорово беспокоило, хоть я и не торопилась самой себе признаться в этом. «Поживем, увидим, – философски

решила я. – Если этот тип что-то затевает, то в ближайшее время непременно объявится». И с усердием принялась глядеть на дома за окном.

Родной город вызывал смешанные чувства, вроде бы все знакомо и вместе с тем чужое. А внезапное беспокойство все набирало обороты, превращаясь в легкую панику. Может, сбежать отсюда, пока не поздно? В какой-то момент я всерьез решила вернуться в аэропорт. Однако в моем мире трусость уважения не вызывала. А что это, если не трусость? В общем, я пялилась в окно и помалкивала. Шофер тоже молчал. На светофоре мы свернули, и впереди показался дом: сталинка-пятиэтажка с аркой посередине. Его недавно заново оштукатурили и покрасили в ядовито-розовый цвет.

Машина миновала арку и, въехав во двор, притормозила возле третьего подъезда. Шофер повернулся и выжидающе посмотрел на меня.

– Спасибо, – буркнула я, взяв с сиденья рюкзак и сумку с ноутбуком.

– Проводить? – спросил он.

– Нет, спасибо.

Он уехал, а я немного постояла, разглядывая дом. Сердце особо не шалило, но волнение присутствовало. Вздохнув, я направилась к подъезду. Вместо кодового замка домофон. Я принялась возиться с ключами, заметив с недовольством, что руки дрожат. На второй этаж поднималась нарочито медленно, потом еще пару минут стояла перед новой внушитель-

ного вида дверью под красное дерево. Ключ легко повернулся в замке, и я открыла дверь. Просторная прихожая тонула в полумраке. Родительская квартира была трехкомнатной. После похорон отца мы некоторое время жили в квартире Виктора, типовой двушке в спальном районе. Но через два месяца вернулись сюда: переходить в другую школу я не хотела, а ездить с другого конца города было неудобно. Свою квартиру Витька продал, деньги положил в банк на мое имя. На вопрос, зачем он это сделал, пожал плечами и ответил: «Мало ли что. Хватит тебе и на учебу, и на жизнь на первое время». Это «мало ли что» мне тогда очень не понравилось, но к тому моменту я уже знала: переубедить брата, если он принял решение, возможным не представлялось. И вместе с благодарностью в мою детскую душу закралось беспокойство, которое отступало лишь по вечерам, когда Виктор возвращался домой. По необъяснимой причине я была уверена: пока я рядом, с ним ничего не случится.

Потоптавшись в прихожей, я прошла в кухню. Жалюзи опущены, оттого здесь тоже царил полумрак. Я подняла их, открыла окно (воздух был спертый) и только после этого принялась оглядываться. Ничего здесь не изменилось. Та же мебель, те же сидухи на стульях (когда-то я сшила их на уроке труда), и посуда та же. Два бокала с изображением котиков, один большой, другой поменьше. На моем бокале кот был рыжим, толстым, с хитрым прищуром, на Витькином – злодейского вида, с черной повязкой на глазу и саблей в тол-

стой лапе. Пират и Рыжик. Брат купил эти бокалы в Праге, где мы встречали Рождество. Я увидела их в витрине магазинчика на одной из улочек, что петляли возле Карлова моста.

– Привет, – сказала я, глупо улыбаясь, не торопясь закрыть шкаф. А потом заревела. Бог знает, кого и что я оплакивала, то ли свою некогда счастливую жизнь, то ли все-таки брата. А может, просто было жаль детства, безвозвратно ушедшего.

Я поспешно схватила полотенце, ткнулась в него физиономией и постояла так немного. Потом продолжила ревизию шкафов, так, без особой надобности. Соль, сахар, кофе, чай. Все в аккуратных баночках с надписями на немецком, куплены они были в одну из многочисленных поездок. Витька, зная за мной страсть к приобретательству всякой посуды, по большей части ненужной, смеясь, дразнил меня «домовитой». «Похоже, брат сюда часто заглядывал», – решила я и вдруг поняла: он в самом деле ждал меня. Неужто всерьез думал, что я вернусь?

Я зло усмехнулась и отправилась бродить по квартире. Все выглядело так, точно покинула я ее несколько дней назад. Лишь слой пыли намекал на длительное отсутствие хозяев. В свою комнату я зашла в последнюю очередь. Диван-кровать, письменный стол у окна, туалетный столик, предмет моей гордости, белый, с позолотой. Само собой, Витькин подарок. Я выдвинула верхний ящик и покачала го-

ловой: тени, губная помада, флакончик духов. Арсенал молодой девушки. За шесть лет аромат духов должен был улетучиться, а нет, запах стойкий. Я догадалась взглянуть на коробочку с тенями и присвистнула: куплены они были недавно.

– Сукин сын, – буркнула я, борясь со слезами, и вошла в гардеробную. Витька выделил под нее часть комнаты, когда мне исполнилось пятнадцать, комната стала заметно меньше, а счастья у меня куда больше. Собственная гардеробная! Платья на плечиках, туфли, ровные стопочки одежды. Все на месте. Какого черта он не отправил все это в мусорный контейнер?

Вздыхнув, я устроилась на диване, взяв в руки плюшевого медведя и пристроив на его голове подбородок. Медведя звали Потапыч, а появился он здесь в день моего рождения. В общем, можно считать, мы ровесники.

– Как дела, зверь? – спросила я, поглаживая его плюшевое брюхо. На шее у него висела тряпичная сумочка, похожая на конверт, застегнутый на кнопку. Витька любил прятать туда маленькие подарки, то заколку для волос, то конфеты. А я каждый раз визжала от радости, неожиданно их обнаружив. Рука машинально переместилась к сумке и замерла. Там что-то было. Очередной подарок? Сейчас это воспринималось скорее глупой шуткой. Сумку я все-таки открыла и увидела сложенный пополам небольшой лист бумаги, торопливо развернула его дрожащими пальцами. Почерк брата, всего три

слова: «Это не я».

Я сцепила зубы и минут пять смотрела на ровные, почти печатные буквы. Потом скомкала бумагу, криво усмехаясь.

– Не ты? – спросила громко, точно он мог услышать. – А кто?

Брата не было в живых, но злость, тяжелая, вязкая, не проходила, а вместе с ней зрела обида, почти детская, от которой щипало глаза, обида на весь этот спектакль: тряпки, туфли, духи, долгое ожидание и эту беспомощную попытку оправдаться. «Это не я». Он всерьез рассчитывал заморочить мне голову, вызвать сомнение? Надеялся, что моей любви хватит, чтобы поверить? Когда очень любишь, готов поверить во все, что угодно, лишь бы опять вернуться в уютный мирок, где когда-то было так хорошо.

С моей любовью он дал маху, ничего, кроме раздражения, эта его записка не вызвала. А потом захотелось покинуть квартиру, чтобы не слышать тихий шепот, точно из ниоткуда: «а вдруг?» Это «а вдруг?» бесило даже больше самой записки.

– Ничего не выйдет, – сквозь зубы пробормотала я и направилась в прихожую, в самом деле торопясь уйти. Там, на улице, избавиться от наваждения куда проще, чем здесь, среди привычных вещей, напоминавших о брате, о моей любви к нему, о житье-бытье, наполненном счастьем. Тем самым счастьем, что однажды он подарил мне, великодушно и щедро, а потом отнял. В один день, в одно мгновение.

Я уже взялась за ручку двери, но в последний момент остановилась. «Я свободна, – подумала спокойно. – А вокруг просто старые вещи. И никакой магии. Есть они или нет – значения не имеет». Еще сомневаясь и словно желая проверить, имеют или нет, я опять прошла по квартире. В кухне включила чайник, выпила кофе и вновь вернулась мыслями к брату, но теперь думала о нем спокойно, отстраненно, как о чужом.

Он оставил мне записку. В том, что она адресовалась мне и только мне, сомнений никаких. Допустим, он ждал, что я вернусь, но вряд ли рассчитывал на встречу двух родственников с улыбками и объятиями. И эта записка, найденная мною случайно, по замыслу брата должна послужить началом примирения, поводом для разговора по душам? Он сможет оправдаться, а я выслушать. Бред. Тогда что? Что он хотел сказать мне этой запиской, спрятанной в детской игрушке, которую я, вполне вероятно, решу оставить себе, если все-таки появлюсь тут? Рука не поднимется выбросить плюшевого зверя, на чашки-ложки и тряпье в гардеробной наплюю, а медведя запихну в рюкзак. Витька знал: родной город для меня табу, пока он здесь. И вернусь я сюда лишь в одном случае... черт, получается, допускал мысль, что может быть убит? И эта записка вовсе не глупая попытка оправдаться...

Я вновь прошла по квартире, спокойно, сосредоточенно. После его убийства следователи наверняка побывали и в

этой квартире. И ничего не нашли? Плюшевый медведь интереса не вызвал. Даже найди они записку, вряд ли бы она привлекла их внимание. Бессмыслица, которую не способен понять никто, кроме меня. Если они ничего не нашли, у меня тоже шансов немного. Но я терпеливо открывала дверцы шкафов, перетряхивала книги, заглядывала в вазы, в носастый чайник в немецкой горке, перекладывала, перебирала... Никаких вещей Виктора в квартире не оказалось, только мои и те, что остались от родителей. Он как будто разграничил пространство, и это было мое, мое и родительское, которое, с его точки зрения, тоже принадлежало мне.

Через два часа я вновь пила кофе в кухне, уже зная: искать бессмысленно по той простой причине, что ничего, кроме записки, он не оставил. Мое состояние вполне можно было назвать умиротворенным, сделала, что в моих силах, а теперь с чистой совестью в гостиницу, хотя отчего бы здесь не остановиться?

Возвращая вымытую чашку в шкаф, я вдруг поняла, где надо искать. Конечно. Как я могла забыть? Витька предпочитал держать в доме кое-какую наличность, иногда довольно значительную, и с этой целью оборудовал тайник.

Я припустилась к дивану в гостиной. Потянула нижний ящик на себя. Крышка легко открылась, ящик был пуст. Раньше здесь лежали одеяло и две подушки, на случай, если кто-то из гостей останется ночевать. А вот дно ящика с секретом, точнее, днище было двойным, между листами фа-

неры пространство в несколько сантиметров, куда Витька и складывал деньги.

Я провела рукой по краю и, нащупав бечевку, аккуратно за нее потянула. Фанера легко приподнялась, а я увидела ноутбук. Совсем маленький, для работы такой вряд ли годился. Достав ноутбук, я вертела его в руках, задаваясь вопросом: хочу ли я знать тайны брата? «Не хочу», – кто-то панически заголосил внутри меня, но я уже двигала в свою бывшую комнату, включила ноутбук в розетку и теперь таранилась на дисплей.

На рабочем столе три папки, все три с фотографиями. Я тщательно просмотрела каждую. На фото из первой папки мой брат в компании Вальки и молодого мужчины в очках. Берег реки, костерок на берегу, Витька держит в руках здоровенную рыбу, улыбаясь в объектив. Во второй папке фотографии с красавицей-блондинкой где-то на отдыхе: море, пальмы, бар возле бассейна. Девушка жметя к Витьке, на лицах обоих полнейшее удовлетворение. Третья папка мало чем отличалась от второй: пальмы, море, но вместо блондинки плечистая брюнетка со стрижкой под мальчика. Всего двадцать семь фотографий. И ничего больше. Вообще ничего. Выходит, этот компьютер брат использовал в сугубо личных целях. Вот только с какой стати его прятать в тайник? Я понятия не имела, есть ли здесь Интернет, то есть шесть лет назад он, конечно, был, но, учитывая, что Витька довольно давно переехал... Кликнула по иконке, на экране возникла

страница Яндекс. Мне повезло, почта открылась автоматически, пароль был сохранен. Всего тридцать два письма, самое раннее пришло несколько дней назад, накануне того самого дня, когда брат был убит. Либо компьютер он приобрел совсем недавно, либо все предыдущие письма уничтожил.

Я начала с верхнего, с того, что пришло сегодня. Обычная рассылка, как и еще двадцать девять писем. Одно письмо от какого-то Эдика, он сообщал, что в мае собирается на рыбалку в Астрахань, и интересовался, не желает ли Виктор присоединиться. И наконец, последнее письмо, то, что пришло накануне гибели брата. Заглавные буквы, жирный шрифт «Я знаю, кто ты. И ты за это заплатишь».

– Черт, – выругалась я и повторила: – Черт...

От телефонного звонка я вздрогнула, в первое мгновение даже не поняв, что это. А потом поплелась в прихожую, где стоял телефон. Мужской голос, смутно знакомый.

– Кристина Олеговна? Это Артем Леонидович. – Ясно. Адвокат. – Извините, что беспокою, – продолжил он. – Хотел узнать, как вы устроились, все ли в порядке?

– Да, все отлично, – буркнула я, перед глазами все еще была страница с крупными черными буквами.

– Что ж... вы, должно быть, хотите отдохнуть с дороги, – в голосе неуверенность.

– Считаете, нам надо поговорить?

– Время терпит... хотя... я недалеко от вашего дома, могу подъехать, если вы не возражаете.

– Не возражаю.

– Тогда минут через десять я буду у вас.

Я вернулась в свою комнату, выключила ноутбук и сунула его в рюкзак.

Вскоре раздался сигнал домофона, я открыла дверь, ожидая гостя. На лестничной клетке появился мужчина лет тридцати пяти, в строгом костюме в полоску, поверх которого была легкая куртка с расстегнутой «молнией». Мужчина высокий, стройный, даже худой, хотя, может, так только казалось из-за его роста. Метр девяносто сантиметров, не меньше. На адвоката он, с моей точки зрения, походил мало, ему бы в баскетболисты, впрочем, одно другому не мешает. Очки без оправы на аккуратном носе, который больше подошел бы женщине. Подбородок с ямочкой и пухлые губы. Симпатичный. Разглядывая его, я поняла, что несколько минут назад видела его фотографии... На фото он стоял обнаженным по пояс и доходягой точно не выглядел. Получается, их с братом связывала не только работа, свободное время они тоже проводили вместе.

– Какой сюрприз, – скупно улыбнулся он, входя в квартиру. – Я видел ваш портрет, там вы блондинка.

– А брюнетки вам не нравятся? – спросила я серьезно.

– У меня разносторонние интересы.

– У меня тоже. Вчера блондинка, сегодня брюнетка, завтра рыжая.

– Любите эксперименты?

– Ищу себя в многообразии жизни.

– И как?

Я пожала плечами:

– Все еще в поиске.

Он снял куртку и повесил ее в шкаф. Ни портфеля, ни папки в руках у него не было, следовательно, заглянул для предварительной беседы.

– Хотите кофе? – предложила я.

– С удовольствием.

Мы прошли в кухню, Артем Леонидович заинтересованных взглядов по сторонам не бросал, из этого я заключила, что в квартире ему приходилось бывать и раньше.

– Здесь совсем ничего не изменилось, – точно в ответ на мои мысли произнес он. – С тех пор, как Виктор переехал...

– Чего ему тут не жилось? – спросила я с усмешкой.

– Ну... эта квартира не соответствовала человеку его положения, – тоже с усмешкой ответил он.

– Расскажите мне о его положении.

– Ваш брат был одним из богатейших людей в городе. Теперь его состояние перейдет вам.

– Надо бы взвизгнуть от счастья, но почему-то не хочется.

– Понимаю, – кивнул он серьезно. – Вы ведь были очень близки?

Я подала ему чашку кофе, гадая, то ли он дурака валяет, то ли пребывал в счастливом неведении.

– Последние шесть лет мы не встречались, не переписы-

вались и не собирались что-либо менять в этом смысле.

– Да, я знаю. Ваше похищение, душевная травма... вы считали, что в этом виноват ваш брат, то есть его деньги.

– Примерно так, – кивнула я.

– Виктор болезненно переживал ваш отъезд, но был уверен: вам надо дать возможность успокоиться.

– До вожделенного спокойствия далеко.

– Вы о наследстве?

– И о нем тоже. Я могу от него отказаться?

– Вы это серьезно? – нахмурился Артем Леонидович.

– Вполне.

Он с минуту молчал, а заговорив, тщательно подбирал слова, как будто боялся меня обидеть.

– Можно вопрос? Вы хотите отказаться от денег, потому что это деньги вашего брата? – Светлые глаза из-под очков смотрели не отрываясь. Я первой отвела взгляд. И усмехнулась:

– На самом деле я просто боюсь. Что не удивительно. Как считаете?

– Особого повода для беспокойства я не вижу. Если ваш брат погиб... если его убили в надежде прибрать к рукам фирму, то с вами, для начала, попытаются договориться. Помимо фирмы, вы получите кругленькую сумму, до которой предполагаемым врагам не добраться.

– В известных обстоятельствах человек отдаст любые деньги...

– Прошло шесть лет, а вы все еще... – он замолчал, буравя меня взглядом. – Мы можем подписать все необходимые бумаги завтра, – деловито продолжил он. – Вы уедете, а вашими делами займусь я или кто-то другой, кому вы доверяете.

– Примерно то же мне сказал Легостаев, мы встречались сегодня. Смерть брата для него тяжелый удар. Он оказался в очень трудном положении. И на этом основании просил вычеркнуть его из числа подозреваемых.

– Вот как? – Артем едва заметно усмехнулся, что я без внимания не оставила.

– По-вашему, он мне мозги пудрил?

– Скорее, лукавил. Виктор рассматривал вариант вашего отказа от наследства, в этом случае его доля переходит к Легостаеву. Впрочем, если вы примете наследство, делами фирмы заниматься вряд ли захотите, и Валентин Сергеевич опять-таки внакладе не останется: отчисляя вам вашу часть прибыли, будет полноправным хозяином.

– То есть ему смерть брата на руку?

– У меня нет причин его подозревать, – покачал головой Артем. – С Виктором они прекрасно ладили, были не только компаньонами, но и друзьями. В любом случае следствие проявит к Легостаеву интерес...

– У вас с ним какие отношения? – спросила я.

– Нормальные.

– А с моим братом?

– Я был его другом, – спокойно ответил Артем. – То есть

я так считал. Возможно, он считал иначе.

– Поясните.

Артем повертел чашку в руках и вновь уставился на меня.

– Кристина, ваш брат убит. Я бы не хотел, чтобы мы строили догадки и предположения, как это обычно бывает. Прежде всего потому, что пользы от этого мало. Виктор очень вас любил, он так много о вас рассказывал... временами у меня возникало ощущение, что я хорошо вас знаю...

– Мы отвлеклись от темы или мне так только кажется? – перебила я. – Так почему у вас возникли сомнения в его дружбе?

– Зачем вам все это, если вы собираетесь поскорее уехать? – серьезно спросил он.

– Уже не собираюсь.

– Быстро вы меняете решение.

– Такой уж характер. Артем, меня не было здесь шесть лет, я понятия не имею, как жил мой брат все эти годы, но его убили, и я хочу знать, кто и по какой причине. И пока убийцу не найдут, я буду жить в этом городе, несмотря на то, что отчаянно трушу. И остро нуждаюсь в друзьях. Хотя бы в одном друге. Интуиция подсказывает, что вы хороший парень, а своей интуиции я привыкла доверять.

– Предлагаете мне дружбу? – улыбнулся Артем, тут же вызвав ответную улыбку.

В моих словах содержалась толика правды с большой долей расчетливости. Я уже знала, что уехать, предоставив воз-

возможность следователям вдоволь разбираться с тайнами, я не смогу. Я бы, наверное, уехала, не будь этой записки. А теперь нет. Искать убийцу мне и в голову не пришло, слишком это самонадеянно и глупо, но понять... понять необходимо. А для этого нужен человек, который в Витькиных делах худо-бедно разбирался. В общем, обычные бабы хитрости, незамысловатые, но действенные.

– Я бы и любовь предложила, но как-то неловко так сразу, – ответила я.

– Я женат, – засмеялся он.

– Жаль. Но ведь дружбе это не помеха?

– Вряд ли моя жена с вами согласится... хорошо, дружба так дружба. Что вы хотите взамен?

Парень, конечно, не дурак, но это скорее плюс, чем минус.

– Перейти на «ты» и поговорить по душам.

– Заметано, – хмыкнул он.

– Тогда я начну первой. Все это время я жила на юге, работала инструктором на турбазе. И никому до меня не было никакого дела, пока несколько дней назад там не появился некто Кубышкин, как выяснилось позднее, частный сыщик... – Я рассказала о событиях последних дней, Артем слушал внимательно, не сводя с меня взгляда.

– Да-а, – протянул он, когда в своем повествовании я добралась до встречи с Легостаевым. – Занятная история. Есть соображения, кто и зачем тебя искал?

– Я рассчитывала, что соображения на этот счет есть у

тебя.

– Предположим, старика нанял Виктор, это первое, что приходит в голову. Хотя мне он ничего подобного не говорил. Я знал, что вы не общаетесь, но у меня создавалось впечатление: ему хорошо известно, где ты находишься. Допустим, я ошибался. После смерти Виктора в его бумагах ни твоего телефона, ни адреса мы не обнаружили. Естественно, я пытался разыскать тебя по своим каналам. И вдруг мне сообщают, что пришел запрос из Краснодарского края, тобой интересовались в связи с убийством господина Кубышкина. Так я узнал, где ты, а заодно получил номер твоего мобильного.

– Я обзавелась им на следующий день после убийства сыщика, – кивнула я. – Остается вопрос, кому я еще понадобилась, то есть кем были те двое?

– Если люди не гнушались убийством, намерения у них были серьезные и вряд ли дружеские.

– Самое время вспомнить о врагах брата, то есть теперь и моих. Такие есть?

– Явных нет, по крайней мере, я о них не знаю.

– А парни просто придурки и искали меня без видимой причины.

– Мне понятна твоя ирония. Но...

– Легостаев намекнул на некоего типа, фамилию он не пожелал назвать, этот тип, по его словам, хотел прибрать к рукам бизнес брата посредством слияния двух компаний.

Артем кивнул.

– Фамилия его Коршунов, Коршунов Юрий Михайлович. Но причислять его к врагам я бы не торопился. Дело в том, что с предложением о слиянии двух компаний выступил твой брат. Он считал, делу это только на пользу.

– Ух ты, – усмехнулась я. – А как к предложению отнесся Легостаев?

– Скажем, он сомневался в целесообразности данного шага. Впервые этот вопрос возник еще год назад, но далее разговор дело не пошло. Спустя несколько месяцев вновь начались консультации по этому вопросу, вроде бы некоторое взаимное понимание было достигнуто, но... – Артем замолчал и взгляд отвел, вроде бы прикидывая, стоит ли продолжать, а я поторопила:

– Но?

– Погиб сын Коршунова, и переговоры вновь были прерваны. – Артем опять замолчал, с усердием разглядывая чашку.

– Мы все еще говорим по душам? – уточнила я, он усмехнулся.

– По городу поползли слухи, что к этой смерти имеет отношение твой брат.

– Слухи просто так не возникают, но с какой стати Виктору убивать сына будущего партнера?

– Вряд ли убийство парня имело отношение к делам его отца, – вздохнул Артем, и стало понятно, что разговор по ду-

шам ему скорее в тягость. Заметив усмешку на моем лице, он криво улыбнулся и продолжил куда веселее: – Денис Коршунов слыл бездельником. Единственное, что он умел делать хорошо, это просаживать отцовские деньги. Полный набор пороков: наркота, пьяные кутежи и бабы. Одна из его пассий, Голубова Ольга, была знакома с твоим братом. Я имею в виду близкое знакомство. Скажу сразу, Виктора вместе с ней я никогда не видел, но женщин в его окружении было много. Возможно, и она тоже в их числе. С кем из мужчин Голубова познакомилась вначале, а с кем позднее, тоже не ясно, какое-то время она, по слухам, крутила любовь с обоими. А потом исчезла. Последние три месяца о ней никто ничего не слышал. Денис Коршунов в пьяном угаре орал при свидетелях, что твой брат попросту разделался с девчонкой. А на следующий день его нашли в туалете ночного клуба с пулей в сердце. Никаких свидетелей, никаких улик. В тот вечер Виктор был в Москве, и я вместе с ним, кстати. Но... для Коршунова-старшего это, конечно, не аргумент. Подобные убийства либо раскрывают по горячим следам, либо не раскрывают вообще. Разумеется, следственные органы твоим братом заинтересовались, задали множество вопросов, в том числе о местонахождении Ольги Голубовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.